

16+

ЕЛЕНА ЕРШОВА

ГРАД ОГНЕННЫЙ

Елена Ершова
Град огненный
Серия «Легенды Сумеречной эпохи»
Серия «Царство медное», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51856791

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06874-2

Аннотация

На окраине мегаполиса, вдали от ярких огней и сытой жизни бродит горстка беженцев: мусорщики и сантехники, дворники и разнорабочие. Погоди брезгливо морщить нос, подойти ближе, если осмелишься! Чувствуешь запах гари и сладости? Это мы – чудовища из твоих кошмаров. Армия без Королевы. Мы лишились всего: дома, надежды и смысла жизни. По нашему следу идут охотники за головами, над нами ставят опыты, а кто-то до сих пор ведет теневую войну, пытаясь вернуть контроль над идеальным оружием. Кто-то называет нас монстрами, кто-то жертвами. Мы называют себя по-прежнему – васы. Это – наша история. Смерть не конец, а только начало...Третья и заключительная книга цикла "Царство медное".

Содержание

Град огненный	4
2 апреля, среда. Кто убил Пола?	7
3 апреля, четверг. Комендант, профессор и преторианец	9
4 апреля, пятница. Новый куратор	23
5 апреля, суббота. Перемены	39
6 апреля, воскресенье. Воспоминания	45
7 апреля, понедельник. Затишье перед бурей	52
8 апреля, вторник. Обыск	68
Ночь с 8 на 9 апреля	86
Дневник Пола	87
Утро 9 апреля	110
9 апреля, среда. Приглашение	111
10 апреля, четверг. Старые враги	124
11 апреля, 12 апреля, 13 апреля	128
11 апреля, пятница. Телешоу	129
Ночь с 11 на 12 апреля. Тьма пробуждается	158
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Град огненный

Часть 1. Начало

* * *

Офицер четвертого Улья мертв.

Он повесился на дверной ручке. На собственной португальской.

Уже больше года нет ни званий, ни Ульев. Но между собой мы все равно называли Пола офицером. От старых привычек тяжело избавляться. Я видел его на прошлой неделе. Мы не разговаривали, но Пол узнал меня и кивнул. Теперь его налитые кровью глаза смотрят с упреком: «Зачем?». А я мысленно повторяю его вопрос. Но не спрашиваю, почему такую позорную смерть выбрал этот крепкий вояка, командовавший одним из роев Улья.

Спрашиваю: для чего я заварил эту кашу?

И не нахожу ответа.

* * *

Вести дневник – задание терапевта. Очередная глупость, навязанная в реабилитационном центре.

Мы необщительны. «Проблемы с коммуникацией в результате изоляции и специфического образа жизни» – так пишут в диагнозе. Ставь диагноз я, вместо «длительной изоляции» значилось бы «затворничество», а вместо «специфи-

ческий образ жизни» – «насилие и мародерство».

Доктора жалеют нас. Смешно. Жалеть чувства выродков и насекомых, как называют нас многие люди. А мы называем себя по-прежнему – васпы.

Кажется, я впервые услышал это страшное слово в детстве.

«Не будешь слушаться – придут злые васпы и утащат в Улей».

Так говорила женщина, лица которой теперь не вспомню. Зато помню запах ее рук. Запах хлеба и молока. Помню, как она укрывала меня пуховым одеялом. А снаружи стояла ночь, и было страшно. Вдруг они уже за окном? Безликие. Серые. Пахнущие нагретой медью и сладостью.

Они приходили с севера, из зараженного Дара, и приносили беду. За ними тянулся след из пепла и трупов. Одних васпы обрекали на смерть. Других – на существование похуже смерти.

«Васпы забирают непослушных мальчишек, прячут в конкон, травят ядом и стирают память, чтобы сделать подобными себе».

Наверное, я тоже был непослушным. Женщина с ласковыми руками оказалась права, ведь именно так я стал монстром. Забыл о прошлой жизни и принял новую, полную страха и боли. Приносил смерть. Забирал неофитов, и так по кругу, на протяжении многих, многих лет.

Вот что скрывается под «специфическим образом жиз-

ни». И я захотел изменить это.

Теперь один из моих соратников мертв. И я ответственен за его смерть. Если верить докторам, лучший способ привести в порядок мысли – это поделиться ими с кем-то или записать на бумагу. Общение не мой конек. Зато пространными рапортами меня не испугаешь.

Итак.

Сегодня – второе апреля, среда.

Мое имя – Ян Вереск.

Мне тридцать три года.

И я – васпа.

2 апреля, среда. Кто убил Пола?

«Вереск» – не моя фамилия. При выходе из центра каждый васпа придумывает фамилию и возраст. Но Ян – настоящее имя. Так называли меня ребенком, так называли в Улье.

Имя – напоминание о временах, когда мы были людьми. Неофитов забирали в раннем детстве. Предполагаю, я прошел инициацию в возрасте десяти лет. Потом спал в коконе. А когда вылупился – началась новая жизнь и новый отсчет.

Раньше я не задумывался, насколько это вообще тяжело – начинать заново. Любая перемена болезненна. Но не для тех, кто прошел Дарскую школу. Отчего же сломался один из самых стойких и сильных? Не могу поверить, что Пол сдался и так бесславно сдох.

– Самоубийство, – произносит лейтенант полиции, а мед-эксперт брезгливо упаковывает тело в черный мешок. Васпы отвратительны людям, а все потому, что для них мы просто насекомые.

Wasp – значит «оса».

Я отхожу в сторону, в тень. Освобождаю дорогу полицейским. Вынужденные иметь дело с мертвым васпой, они не захотят столкнуться еще и с васпой живым. Я буду им противен: сутулый, белобрысый тип с небритой рожей и выбитым левым глазом, скрытым повязкой. Лейтенант косится и морщит лоб. Вспоминает, где видел меня раньше. Возмож-

но, видел. В столице я не впервые. Три года назад меня привезли из Дара в качестве подопытного образца. Теперь васпов признали членами общества и дали второй шанс. И хотя я не единственный, кто принял новые идеалы и боролся за них, меня по-прежнему считают лидером роя. Это накладывает определенные обязательства вроде опознания тела. Но лейтенант не спрашивает моего мнения. А лучше бы спросил. Тогда я ответил бы, что не верю в самоубийство Пола.

Думаю, кто-то убил его.

3 апреля, четверг. Комендант, профессор и преторианец

...я чувствую запах, его не спутать ни с чем. Копоть и кровь. Ими пропитался воздух и кожа. В мареве фигура женщины нечеткая, как карандашный набросок.

– Господин, пощадите! Не оставляйте ребенка без матери!

Женщина ползет, ломает ногти о доски пола. Я вижу себя со стороны – сгорбленную фигуру, подсвеченную пожаром. Лицо безэмоционально и мертво, как глиняная маска.

– Где... неофит?

Одеревенелый после долгого молчания язык слушается с трудом. И жутко, что этот глухой голос тоже принадлежит мне.

Женщина плачет, целует разбитым ртом сапоги. От нее пахнет страхом. На тонкой шее пульсирует жилка. Поддень ножом и на руки выплеснется горячий фонтан. Желанный подарок тому, кто вынужден существовать в холодном и сером мире.

Мое сердце бьется в такт причитаниям. Это пьянит. Будоражит остывшую кровь. В груди разливается тепло, и сладко ноет внизу живота. Так сладко и горячо.

Я достаю нож. Лезвие заточено и надраено до блеска. Женщина воеет, а я улыбаюсь. Бесстрастно. Холодно. Так умеют улыбаться только васы.

Крики разрастаются, вплетаются в гул огня и рев вертолетных лопастей. Затем сливаются в один дребезжащий звук...

* * *

Будильник разрывается до тех пор, пока я не хлопаю по нему ладонью. Квартира погружается в привычную немоту. На часах половина седьмого. За окном царят сумерки.

Я поднимаюсь быстро. Сказывается военное прошлое. В ушах еще слышится надрывный плач, а рука ощущает тяжесть ножа. С трудом ковыляю до ванной. Что пригибает меня к земле, вес собственного тела или тяжесть грехов?

В ванной достаю стеклянный пузырек и вытряхиваю на ладонь таблетки. Утром белая и голубая. Вечером белая и красная.

Мало того, что в башке каждого васпы стоит блокада по методу доктора Се-ли-вер-стова, каждый из нас обязан принимать лекарства. Это одно из условий сосуществования васпов и людей. Но когда тебе каждую ночь снятся кошмары, таблетки не кажутся тяжелой повинностью. Иногда они действительно помогают. Меня больше не преследует запах копоты и крови, а мир обретает прежнюю четкость.

Запив таблетки водой из-под крана, я подставляю голову под ледяную струю. Другой нет. Горячую воду отключили за неуплату. В мире людей не меньше неприятностей, чем в мире васпов. Необходимость платить за коммунальные услуги одна из них.

Я думаю об этом, пока бреюсь старой электрической бритвой. Быстро и не очень аккуратно. Не люблю долго разглядывать себя в зеркале. Пустая глазница и шрамы не добавляют привлекательности. Неважно, скрыты они повязкой или нет. По этой же причине люди обходят меня стороной.

Не говоря о женщинах.

Может, смерть Пола связана с женщиной? Новая жизнь подбрасывает проблемы, к которым мы не готовы. За год не компенсируешь всего, что упущено более чем за двадцать лет. Молодняку в этом плане легче. А вот у старших почти нет надежды. Но чтобы Дарский офицер вешался из-за бабы? Чушь!

Ты никогда не пасовал перед трудностями, Пол. Так почему же сдался?

* * *

Я выхожу из дома за полтора часа до начала рабочей смены.

Забавно, теперь у каждого васпы есть работа. В наших документах стоит желтый штамп – разрешение жить и трудиться в обществе. Это билет в новую, мирную жизнь. Но также напоминание, что за малейший проступок ожидает смертный приговор.

Зверя надо держать в клетке, не так ли?

Весна в этом году слишком ранняя. Снег сошел в конце марта, а столбик термометра уже к полудню достигает семнадцати градусов по Цельсию. Не слишком комфортно для

меня. За двадцать с лишним лет можно отвыкнуть от тепла и света. Но утром еще стоят заморозки, поэтому путь от дома до работы расцениваю, как утреннюю пробежку.

Я не большой любитель пеших прогулок. Но в последний раз, когда я пробовал проехать в автобусе, половина пассажиров оказалась в другом конце салона. Помню, какая-то девчонка, тыкая в меня пальцем, спросила: «Этот дядя бабай, да?»

Даже в стремительно меняющемся мире некоторые вещи остаются неизменными.

Город полон огней. Пахнет выхлопами и потом. Я привычно срезаю путь через сквер с маленьким фонтаном. Вечером здесь собираются влюбленные дураки, но утром ни души. Если остановиться тут на несколько минут и закрыть глаза, может показаться, что не пресная вода бежит по плитам, а шумит прибой. Тогда земля под ногами становится зыбкой. И глубоко-глубоко, где цвет воды становится синее и насыщеннее, проплывают тени морских гигантов – китов. Я запомнил их по книжным картинкам о морских приключениях, которыми зачитывался в детстве. Для меня они как существа из сказок. Вроде тех, о которых пишет Торий. Но некоторые мифы становятся реальностью. Знаю, о чем говорю. Долгое время я сам был мифом.

Слышу шаги. Слишком тяжелые, чтобы принадлежать человеку.

Оборачиваюсь.

Бывший комендант северного приграничного Улья останавливается на расстоянии и сдержанно желает доброго утра.

– И тебе, Расс.

Мы не пожимаем друг другу руки. Не принято.

Серповидный шрам наискось пересекает его щеку и губы, отчего кажется, что Расс криво усмехается. «Поцелуй Королевы» – так он всегда называл свой изъяз и очень чванился им. Но теперь Королева Дара, наша мать и богиня, мертва. И мы осиротели. А радость от первых успехов сменилась сомнениями.

– Найди их, Ян, – глухо произносит Расс. Он наклоняется, опираясь о рукоять метлы, и заканчивает: – Убийц Пола.

Я не питаю иллюзий. Васы связаны между собой, и смерть одного из нас уже не тайна.

– В полиции говорят, самоубийство.

На лбу бывшего коменданта вздуваются вены.

Вспоминаю, как он шел по выжженной земле, а разлетающиеся искры жалили кожу. От Расса пахло кровью и смертью. Он сам был смерть. Теперь на нем оранжевый жилет – пародия на его комендантский мундир. Лишь взгляд остался прежним. Взгляд хищника.

– Его убили, – рычит Расс. – Мрази из Си-Вай.

Я думал об этом. Си-Вай, или как они называют себя Contra-wasp, выступают против жизни васпов в обществе людей. Они доказывают, что мы убийцы и выродки. Биоло-

гический мусор. Что нам лучше сдохнуть. Именно они требуют возобновить опыты. И, положив руку на сердце, их высказывания получают поддержку.

– Думаешь, он не сделал этот сам?

– Нет, – упрямо отвечает Расс. – Самоубийство позорно.

– Может, ему не нравилась новая жизнь...

Я произношу это себе под нос. Но Расс все равно слышит и замолкает. Сбитые на костяшках пальцы, сжимающие метлу, белеют. Некоторое время мы молчим. Слышно только, как на каштане стонет горлица, да брызги воды разбиваются о камни.

– Винишь себя? – наконец спрашивает Расс.

Я не отвечаю, но ответ не требуется. Он знает: виню. Поэтому отвечает спокойно:

– Не надо. Мы знали, на что шли.

Молчу. Слежу, как ветер покачивает ветви молодого каштана.

– Пол не убивал себя, – предлагает Расс. – Ему помогли.

– Думаешь, их было несколько?

Расс энергично кивает. Еще бы, в одиночку никто не справится с васпой, тем более, бывшим телохранителем Королевы.

– Я узнаю это. Обещаю.

Мы прощаемся. Расс провожает меня пылающим взглядом, а затем продолжает работу. В спину несется мерное «ш-шух...»

Я много думаю об этом разговоре. Что приобрели мы? Что потеряли?

Офицер Пол, одним ударом выбивающий кирпичную стену, работал автомехаником на станции техобслуживания.

Сменив маузер на метлу, комендант северного приграничного улья, в подчинении которого имелся многотысячный рой, убирает улицы.

А я...

Командующий преторианской гвардией Дара, зверь из бездны, разрушитель миров – что делаю теперь я?

Мою пробирки в лаборатории профессора Тория.

* * *

Должность называется «лаборант». Но я называю ее «подай-принеси».

Не стыжусь этого. Любой труд полезен. И это в новинку нам. И мы рады таким возможностям. Особенно если у тебя нет никакого профильного образования. Да что там, никакого образования вообще.

Все, чему нас учили в Даре – это выживать и убивать. Конечно, мы разбираемся в технике и умеем оказать практически любую медицинскую помощь. Многие васпы хотели бы стать врачами, конструкторами или полицейскими. Только давать скальпель или пистолет в руки бывшим убийцам с блокадой в мозгу никто не собирается. Правильно сказал Расс: доверие надо заслужить. Поэтому в реа-би-лита-ционном центре каждый из нас прошел курсы по таким профес-

сиям как разнорабочий, маляр, дворник или сантехник. Возможно, когда-нибудь наш молодняк сможет обучаться в институтах. Возможно, нас признают полноправными членами общества. А пока...

Пока «подай-принеси» кажется вершиной карьеры.

Должность мне предложил Виктор, кто же еще?

Несмотря на вражду в прошлом, сейчас мы придерживаемся нейтралитета. Справедливости ради стоит признать: без профессора у васпов ничего бы не вышло.

Он врывается в лабораторию взъерошенный и нервный. Я отступаю, придерживаю ногой дверь, а рукой коробку с реактивами.

Торию тридцать пять. Он шире меня в плечах и выше на полголовы. Молодой, видный, пер-спе-ктив-ный. По сравнению с ним я произвожу впечатление угрюмого хмыря. Мало кто знает, с какой легкостью я ломал его кости. А кто знает предпочитает молчать. Теперь другое время. И мы с Виктором другие.

Он швыряет куртку на стул и тут же набрасывается с возмущением:

– Ян! Почему ты не сказал мне?

Я привык к его выпадам. Аккуратно ставлю коробку на стол и отвечаю:

– Реактивы пришли утром. Сейчас составлю опись.

Он расстроено смотрит на меня и сбавляет тон.

– Да какие там реактивы... плевать! Почему ты не расска-

зал про Пола?

Вот оно что.

– Но ты все равно узнал, – достаю из коробки формуляр описи. Бумажную работу я не любил никогда, но кто-то ведь должен выполнять и ее.

– Почему я узнаю из десятых рук и только сегодня? – настаивает Торий. – У тебя есть мой телефон. Я ведь повторял и не раз, что ты можешь звонить в любое время. В любое!

– Не было нужды, – между делом отвечаю я, заполняя бумагу.

Он вырывает ее из моих рук.

– Оставь реактивы в покое, Бога ради! Речь идет о жизни человека! Понимаешь?

– Васпы, – поправляю его. – Понимаю.

Наши взгляды пересекаются. Он тоже терзается из-за наших неудач. Из-за того, что одобрил эксперименты, проводимые в Даре. Из-за того, что ему стоило усилий и времени перебороть себя и признать в васпах не подопытных жуков, а разумных существ. Более того, существ, достойных лучшей жизни.

– Мне жаль, – снова говорит Торий.

Он вздыхает, хмурится, бросает на меня косые взгляды. Хочет сказать что-то важное, поэтому я жду. Слушаю, как за дверью по делам спешат сотрудники Института. Их шаги легки, голоса беззаботны. Иногда мне кажется, что новая жизнь – сон. Что я вот-вот проснусь от воя сирены в холод-

ной и тесной келье Улья. И больше не будет лаборатории Торрия. Фонтана в уютном сквере. Не будет дневника. Потому что иметь личные вещи запрещено Уставом. А комендант Расс не остановится дружески перекинуться со мной парой фраз, ведь дружбы в Даре не существует.

Неосознанно хватаюсь за спинку стула, словно ищу опору.

– Если у тебя появятся проблемы, ты ведь не скроешь от меня, правда? – произносит Торий.

И мир снова обретает целостность.

Профессор смотрит на меня озабоченным взглядом. Он реален. И эта комната реальна. И город за окном.

– Ты ведь скажешь мне... ну, если тебе понадобится помощь? Если просто захочешь поговорить?

– Бред! – отвечаю, должно быть, слишком резко и холодно. – Я не собираюсь убивать себя.

– Хорошо, – говорит Торий и отворачивается.

Наверное, мне следовало извиниться за тон, да? Я вспоминаю об этом только теперь, когда в перерыве обновляю записи. Но в тот момент просто молчу и стою, как столб. Смотрю в пол, не зная, что сказать. Куда деть руки и себя всего. Торий некоторое время ждет. Потом поворачивается, чтобы уйти.

Выручает случай.

В лабораторию врывается Марта. Это немолодая и пробивная женщина, в чьи обязанности, кроме обычной секретарской рутины, входит общественная работа. Она с порога

потрясает разлинованными листами:

– Жаль надолго вас прерывать, поэтому быстро сдали по десять крон в фонд помощи северным регионам!

Кладет список прямо на коробки с реактивами и начинает лихорадочно его листать, выискивая фамилию Тория. Профессор лезет в карман, вытаскивает купюры.

– Конечно, конечно. Что вообще слышно? Я, как всегда, пропускаю все свежие новости.

– Второй поселок достраивают, – Марта ловко выхватывает у Тория деньги. – Как снега сойдут, будут земли распахивать, сельское хозяйство поднимать. А то после этих нехристей не земля – одна пустыня. Ага, распишитесь тут и тут...

Марта подсовывает ему листы и только теперь замечает меня.

– Ой! – ее щеки покрывает румянец. – Прости, Янушка. Это не про тебя, а про других нехристей. Которые... хмм...

Умолкает и пялится круглыми глазами. Тогда я тоже лезу в карман и достаю мятую десятку. Кладу на стол, рядом с рассыпанными листами.

– Возьмите.

Она вздыхает, всплескивает руками.

– Да зачем же? У тебя и так из жалованья по статье вычитается.

– Знаю. И все же возьмите.

Марта не возражает, купюра исчезает в ее бездонных карманах. Я стараюсь не поднимать головы, чтобы не встретиться-

ся с взглядом Тория. Понимающим? Осуждающим? Неважно. Лишь бы не начал расспрашивать. Да и что я ему отвечу?

* * *

После обеда Торий отлучается по делам. Я задерживаюсь до восьми: в одной из лабораторий потек фармацевтический холодильник, и мне надо отгрузить его на гарантийный ремонт. Для этого заполняю кипу бумаг. Даже мои адъютанты не писали столько рапортов. Воистину, человечество любит усложнять себе жизнь.

По злой иронии судьбы мастером оказывается один из беженцев с севера.

Их сразу можно отличить по тому, как они пялятся на тебя со смешанным чувством ненависти, страха и какого-то заискивающего почтения. Это странно, ведь я больше не ношу преторианскую форму и в руках у меня гарантийный талон, а не маузер. Все равно, этот щуплый человечек смотрит так, будто я собираюсь вырвать ему почки.

– Конечно, пан. Все сделаем в лучшем виде, пан, – суетливо бормочет он. Выхватывает бумаги дрожащими руками, открывает передо мной дверь и закрывает ее за мной.

Ухожу так быстро, как только могу. Меня трясет от отвращения. Пальцы сжимаются в кулаки. Хочется ударить в это бледное лицо, стереть с него заискивающее выражение.

Наверняка, сейчас он матерно кроет меня на все лады. Вынужденный жить бок о бок со своим кошмаром, не понимает, почему власти не уничтожили нас вместе с Ульями? Почему

выделили деньги на программы по реабилитации насильников и убийц? Почему позволили жить и работать наряду с добропорядочными гражданами Южноуделья? И он, этот добропорядочный селянин, возмущается, что насильники и убийцы разгуливают на свободе. И тайно поддерживает Си-Вай. И будет рад, узнав о смерти офицера Пола. Никакие извинения, никакая гуманитарная помощь не изменят его отношения. Просто потому, что эти, городские, видят во мне искалеченное существо. А он видел, как я стоял на пороге его жилья, наслаждаясь его отчаянием.

Этого нельзя ни забыть, ни простить.

Может, не простил себя и Пол? Его смерть не дает мне покоя.

Раньше мы были единым роем. Погибал один – его место тут же занимал другой. Теперь все иначе. Мы решили, что в новой жизни не будет насилия и убийств. Гибель Пола зловещий знак. Он отбирает надежду.

Стыдно признаться, но мысли о самоубийстве посещали и меня. Когда я вышел из кокона, меня отдали на воспитание наставнику Харту. Следующие четыре года мне перекраивали сознание и тело. Будучи солдатом, я участвовал во многих сражениях и набегах. Меня бросали на передовую как кусок мяса. Я знаю, что такое разрывные пули и помню, как ножи входили в мое тело. Но выживал и возвращался в строй. Став преторианцем, я находился от Королевы так близко, что она одним укусом могла раскрыть череп. Ее жало, толщиной по-

что в руку, трижды входило в мой живот. Ей были нужны новые солдаты и новая пища.

Выдержав все это, глупо вешаться на дверной ручке.

И тут я подхожу к аргументу в пользу самоубийства и вспоминаю мокрое заискивающее лицо северянина. Оно до сих пор маячит перед глазами. Напоминает обо всех темных вещах, которые я творил на зараженных землях Дара. Можно принять это, можно пытаться искупить. Но если Пола действительно сломило что-то?

Вина?

Я вздрагиваю и смотрю на часы. Они показывают полночь. В окно царапаются ветви тополя. Качается фонарь, отбрасывая на стену оранжевые блики.

Листаю тетрадь и удивляюсь своему красноречию. Пожалуй, хватит на сегодня. Мой ужин перед сном – стакан воды и две таблетки. И не забыть задернуть шторы. Этот чертов оранжевый свет напоминает отблеск пожара. А мне хочется хотя бы одну ночь не видеть снов. Никаких. Вообще.

4 апреля, пятница. Новый куратор

«Как бы не так!» – ехидничает сидящий во мне зверь.

Сон начинается как продолжение предыдущего. Но передо мной уже не зрелая женщина, а девушка. Почти ребенок.

Ее глаза набухли слезами, и от этого кажутся еще синее и глубже – две океанские впадины. Волнами плещутся светлые косы. Я сгребаю их в горсть и заставляю ее смотреть в свое изуродованное лицо. Девушка испуганно всхлипывает.

– По-жа-луйста...

Ее шепот – как шелест прибоя. Она трепещет в моих руках, будто выловленная из речки плотва. Беззащитная. Хрупкая. Сладкая.

Я бросаю девушку на пол и рывком распахиваю ворот ее сорочки. Из-под белой материи вздымаются конусы грудей – уже сформировавшиеся, но еще нетронутые мужской рукой. Я накрываю их ладонью, сминая, как глину.

– Пощадите, – выдыхает она.

И на меня веет сладостью топленого молока. Это так пьянит, что мое омертвелое сердце начинает болезненно сжиматься. Развожу ее ноги – два белых, налитых соком стебля. Колени ободраны, и свежие царапины контрастно выделяются на белизне кожи. Путаюсь в подоле сорочки, раздраженно рычу и достаю нож. При виде отточенного лезвия девушка начинает выть в голос. Я зажимаю ее рот ладонью, а она

пытается укусить. За пару взмахов взрезав подол, провожу кончиком лезвия по ее коже – от пупка до горла.

– Тихо, – велю я и вжимаю лезвие в основании шеи. Нож прорывает тонкую кожу, к запаху молока примешивается терпкий запах меди. Девушка закатывает глаза – ее белки кажутся галькой, отшлифованной прибором. Волны проходят по телу.

Тогда я сам становлюсь волной.

Сокрушительной, вобравшей в себя всю мощь океана, всю злобу тайфуна, все смерти рыбаков. И девушка вскрикивает, выгибается в моих руках, а волны начинают качать – все выше, все неистовее. Вокруг ревет и воеет буря, или это просто кровь пульсирует в висках.

Я больше не могу себя контролировать, и животная жажда разрушения вырывается на волю. Лезвие ножа погружается в горло девушки, а брызги становятся горячими и липкими. Слизывая их языком, ощущаю знакомый привкус железа. Тогда глаза девушки распахиваются, и зрачки заволакивает белесый туман. Тело выгибается в последний раз и ломается. Я вижу, как белизна ее сорочки напитывается алой влагой. В ушах стоит рев бушующей стихии, но сквозь него прорывается резкий, предупреждающий визг сирены.

Наступает отлив.

Сон отпускает неохотно, пытаюсь утянуть на глубину, где в густой синеве и тишине медленно проплывают океанские чудовища. Там, на илистом дне, в густом подлеске водорос-

лей, будет лежать и моя русалка. Ее невинная красота навсегда останется при ней, кожа никогда не узнает морщин.

Я думаю о ней и о крови, вытекающей из разрезанного горла, когда удовлетворяю себя. Позже мне станет стыдно. Наверное.

* * *

С продуктами и вчера было плохо. Последнюю десятку я отдал в фонд помощи, а теперь на полках кроме початой пачки сахара ничего нет.

Раньше я никогда не задавался вопросами, как люди достают то или другое. Я приходил к ним и забирал, что считал нужным. Теперь за все приходится платить, но это не самое трудное. Гораздо труднее выбрать: что купить в первую очередь, а что потом, или не купить вообще, а только посмотреть и сглотнуть слюну. И хотя в реабили-тационном центре нам рассказывали, как планировать бюджет, товарно-денежные отношения доставляют головную боль.

Что, если и у Пола возникли денежные трудности? Лучше всего о его делах осведомлен комендант Расс. Но сегодня не его смена, и сквер с фонтаном убирает хмурый мужик с опухшим лицом. Он провожает меня недовольным взглядом и бормочет под нос, что понаехали нелюди, отбирают хлеб у честных граждан и страшно на улицы выходить – того гляди, прирежут.

– По роже видно – душегуб, – подытоживает мужик и продолжает мести улицу.

А я думаю о Поле. И о том, сколько дней осталось до полочки. И не смотрю в витрины кондитерской, где с утра выкладывают свежую выпечку и многослойные, украшенные кремовыми розами торты.

* * *

Ближе к обеду в лабораторию заглядывает Марта и сладким голосом сообщает:

– Янушка, тебя к телефону.

Марта всегда общается в раздражающей сюсюкающей манере. Уверен, если бы ей встретилась ныне мертвая Дарская Королева – двадцать тонн живого веса, когти и гигантское жало, – Марта назвала бы ее лапушкой и похлопала по жвалам. Но Марта заботит меня куда меньше, чем неожиданный звонок. Мне не звонят. Почти никогда. Васпы – молчуны и консерваторы. У меня нет друзей, поэтому от звонка я ничего хорошего не жду.

– Ян Вереск? – произносит в трубку вежливый женский голос. – Вас беспокоит миграционная служба. Отдел по надзору.

Я замираю с трубкой возле уха. За столом Марта медленно перекладывает бумаги, делая вид, что увлечена работой. Но по ее позе заметно, что она вся превратилась в слух. Я поворачиваюсь к ней спиной.

– Чем обязан?

– Простите за беспокойство, – заученно продолжает вежливый голос. – Но ваша диагностическая карта просрочена.

Когда вы обследовались последний раз?

– Месяц назад, – бормочу я, и в спину сейчас же ввинчивается любопытный взгляд Марты.

– Четыре месяца, – мягко поправляет меня собеседница. – Возможно, вас не устраивает ваш куратор?

Я быстро хватаюсь за подсказку:

– Возможно...

И не слишком грешу против истины. Прошлый куратор был напыщенным индюком и не интересовался ничем, кроме своей диссертации.

– Мы так и подумали, – голос в трубке теплеет. – Поэтому сменили специалиста. Доктор Поплавский очень хороший врач. Рекомендуем обратиться к нему как можно скорее. В противном случае будем вынуждены поместить вас в стационар на повторную реабилитацию.

Черт!

Кажется, ругаюсь вслух. Почему отдел по надзору объявился сейчас? Связано ли это со смертью Пола? Нельзя допустить изоляции, сейчас я нужен здесь. Поэтому отвечаю в трубку спокойно и учтиво:

– Разумеется. Когда?

– Скажем, сегодня, в половину шестого?

– Хорошо, – я записываю адрес на салфетке, прикрываясь ладонью от любопытной Марты.

– Кто звонил, Янушка, котик? – сладко щебечет она.

Я вешаю трубку и убираю адрес в нагрудный карман:

– Тайная поклонница.

Марта недоверчиво хмыкает. Она уверена, что у меня нет постоянной женщины. Да что там постоянной – нет никакой. Женщины шарахаются от меня, как от заразного. Я чувствую это и не пытаюсь навязываться.

Потом захожу к Торию.

Он беседует по телефону с женой и жестом приглашает сесть, продолжая говорить в трубку:

– Да, дорогая... конечно, не забуду. Что еще? Фарша? Сколько? Записываю...

Он черкает в блокноте, послушно кивая головой. Торий иногда несносен и может накричать на подчиненного за глупую ошибку, зато рядом с Лизой превращается в смиренного ягненка. Моя фамилия, Вереск – ее детская фамилия. Когда-то я думал, она моя потерянная сестра, но это оказалось ложью. Лизу вовлекли в хитрый и бесчеловечный эксперимент и использовали как наживку для меня. А я поверил и клюнул. Уже после Перехода Торий несколько раз проводил контрольные тесты, но результаты оказались отрицательными. Этого следовало ожидать: васпы обречены на одиночество.

Жду, пока он договорит. Замечаю на краю стола вазу с конфетами. Живот сводит судорогой, и я отвожу взгляд, осматривая кабинет. По стенам развешены дипломы и графики, на большой фотографии Торию вручают национальную премию за то, что доказал существование васпов и раз-

работал программу по их ада-пта-ции в обществе. Меня на торжество не позвали.

– Прости, что заставил ждать, – улыбается Торий и кладет трубку на рычаги. – Заботы семейные.

Я понимающе киваю, хотя семьи у меня никогда не было, и, вероятно, не будет.

– Все в порядке? – спрашивает Торий. – Я не видел тебя в столовой.

– Много работы. Хочу закончить пораньше. Ты позволишь?

– Да, конечно, – соглашается он. – Это как-то связано с сегодняшним звонком?

– Уже весь институт в курсе? – вопросом на вопрос отвечаю я.

Торий смеется.

– Марта говорила, что тебе звонила какая-то женщина с приятным голосом, а ты краснел, бледнел и выглядел совершенно растерянным. О! Дай ей волю – она за глаза тебя и женит, и разведет!

– Звонили из миграционной службы, – делюсь я.

С Торием можно быть откровенным. Это странно, учитывая, что еще три года назад мы ненавидели друг друга до зубовного скрежета. Хорошая дружба иногда проистекает из хорошей вражды.

– Это как-то связано с самоубийством Пола? – спрашивает Торий.

– Не знаю. Но мне поменяли куратора.

Торий приподнимает брови.

– С чего вдруг? Ты пропустил плановое обследование? Хотя стоп. Ты ведь ходил две недели назад? И раньше... помню, ты отпрашивался в феврале, когда все работали сверхурочно, а ты сказал...

– Не ходил, – жестко обрываю я.

– Ты врал! – возмущается Торий. – Скотина ты неблагодарная, вот кто.

Нет смысла отпираться.

– Скотина...

– Манипулятор хренов.

– Угу, – я готов провалиться сквозь землю. – Ты можешь что-нибудь сделать?

– И редкий наглец в придачу, – заканчивает он.

Соглашаюсь со всем. Но слова женщины из отдела по надзору не выходят из головы: «В противном случае, мы поместим вас в стационар...»

У меня просто нет времени играть в раскаяние. Это понимает и Торий.

– Кого тебе назначили? – спрашивает он.

Оказывается, имя психотерапевта совершенно вылетело из головы.

– Что-то длинное, – говорю я. – Не могу вспомнить точно.

– Тогда тебе ничего не остается, как идти, – злорадно отвечает Торий. – Я твой поручитель, а не психиатр.

– У тебя есть знакомые медики.

Для галочки мне бы подошел любой, но Торий непреклонен.

– Сходи хотя бы раз, а там посмотрим. Если честно, я давно жду случая, чтобы потравить тараканов в твоей голове.

Определенно, мир в сговоре против меня.

Поднимаюсь со стула. Взгляд падает на вазу с конфетами и на долю секунды кабинет смазывается и плывет. Я хватаюсь за стол, чтобы сохранить равновесие.

– Все в порядке? – слышу встревоженный голос.

– Да.

Предметы обретают четкость, только в ушах стоит противный звон.

– Уверен?

– Да.

Еда – такие пустяки по сравнению со смертью Пола или необходимостью посещать психотерапевта.

– Ты вообще обедал сегодня? – задает Торий вопрос, который, я надеялся, не задаст никогда.

– Я работал.

– Когда ты ел сегодня в последний раз? – допытывается он.

– В последний раз я ел вчера, – отвечаю послушно и опасаюсь, что ваза с конфетами полетит в мою голову, но Торий просто спрашивает:

– Ты идиот?

И кладет на стол десятку – ровно столько, сколько я передал накануне в благо-тво-ритель-ный фонд.

– Шагом марш в столовую! – велит он. – И без глупостей, понял?

– Так точно, – по старой военной привычке отзываюсь я.

Забираю деньги и выхожу из кабинета. И только потом вспоминаю, что снова забыл поблагодарить.

* * *

На табличке написано:

«Доктор Вениамин Поплавский, психотерапевт».

Перечитываю и раз, и другой. Чертыхаюсь.

В Даре не приняты длинные имена, а в Ульях мы почти не общались между собой. Понадобилась уйма времени и сил, чтобы научиться разговаривать развернутыми фразами. Поэтому решаю, что буду называть куратора «здравствуйте, доктор» и «до свидания, доктор».

Берусь за ручку. Она скользит под мокрой ладонью. Порог кабинета как мостик, что соединял коридор Улья с его сердцевиной – куполом, где обитала Королева.

Воздух там становился тяжелее, суше, а запахи приторнее. Я помню чувство головокружения и удушья, с каким шел по колено в клубящемся тумане, среди покатых сводов, покрытых белым налетом. Панический ужас, от которого подгибались ноги и высыхала во рту слюна. Хотелось бежать прочь, не разбирая дороги, пока хватает сил. Но от Королевы не скрыться – вечно голодная, окутанная пеленой тумана, она

знала о тебе все. Ее голос вторгался в мозг и вычищал его от неуставных мыслей. Я обожал ее и боялся до обмороков.

Работа психолога тоже напоминает препарирование: разума, а не тела. В какой-то степени это похуже пыток.

Отчаянно хочется, чтобы эти «здравствуйте» и «до свидания» оказались последними. Но я понимаю, что если лидер васпов нарушит правила, то кто их будет придерживать-ся вообще?

Противоположную стену занимает большое окно, наполовину занавешенное шторами. Перед ним – письменный стол. В углу стоит журнальный столик и торшер. А рядом – кресло. И в нем сидит пожилой толстяк и ест мороженое. Ложка дразняще позвякивает о стенки вазочки. «Клубничное», – отмечаю про себя, а вслух говорю:

– Разрешите войти?

Доктор подскакивает, будто слышал ни скрипа двери, ни тяжелых шагов. Его круглое лицо расплывается в улыбке.

– Ян Вереск? Очень рад с вами познакомиться! Да вы не стойте, проходите-проходите. Я не кусаюсь.

Его лукавая улыбка и шуточный тон раздражают.

– Меня направил отдел по надзору.

Доктор отодвигает вазочку с мороженым, разводит руками.

– Что ж поделать, голубчик! Я ведь жду вас, жду, а вы все не идете. Да не стойте в дверях!

Он подходит, а я инстинктивно отступаю, пока в спину не

упирается дверная ручка. Как пистолетное дуло.

– Куртку вешайте сюда. Вам помочь?

Доктор дотрагивается до меня, и по хребту прокатывается ледяная лавина.

Я не люблю лишних прикосновений. Эта привычка сформировалась в пору ученичества, когда любой контакт означал боль. А люди не трогают васпов потому, что мало кто в резвом уме захочет погладить таракана. Это неприятие заложено в генетической памяти, как в наших заложена жажда разрушения. Но отступить некуда, поэтому я неловко снимаю куртку, от волнения и неуклюжести путаясь в рукавах, и доктор начинает мягко, но непреклонно оттеснять меня в комнату. Его жесты ненавязчивы, а я чувствую себя зверем, угодившим в капкан хищника еще более хитрого и беспощадного. И тем опаснее капкан, что выглядит на первый взгляд безобидно. В этом лукавство и подлость человека. Лучше бы меня просто огрели по затылку – так было бы честнее.

– Вы, должно быть, решили, что я не ждал вас? – продолжает доктор. – Представляю, что вы могли подумать, когда увидели, как я втихаря уплетаю мороженое!

Он смеется, отчего его щеки наливаются румянцем. Я присаживаюсь на самый краешек дивана, и внутри весь как пружина. Но что бы ни говорил и не делал психотерапевт, придется выдержать и это.

– На самом деле я страшный сладкоежка, – посмеиваясь,

говорит доктор. Он садится в кресло, и теперь нас разделяет только журнальный столик. – Моя жена этого не понимает и всегда оттаскивает от кондитерских отделов. Однажды она послала меня за хлебом и знаете что? Я вместо хлеба купил два кило конфет. Так что здесь у меня тайное логово. Поддаюсь соблазну, когда выдается свободная минутка. Понимаете теперь, что вы своим приходом спасли меня от обжорства?

Его многословие раздражает. Но еще больше раздражает запах клубники и сливок.

– Раз уж вы зашли в гости, – заканчивает доктор, – можете мне разделаться с порцией? Клянусь, если я съем хоть немного, на мне разойдется халат!

Он поднимается и достает вторую хрустальную вазочку. Сглатываю слюну и слезу, как он перекладывает из початого брикета остаток. Наверное, я сейчас похож на осу, которая кружит вокруг блюдца с сиропом, но так и не решается сесть – ведь где-то рядом маячит мухобойка.

– Угощайтесь, дружок, – доктор протягивает вазочку.

– Это подкуп?

На его лице не дергается ни один мускул. Улыбка искренняя, но в глазах затаилась хитринка.

– Что вы, голубчик! И в мыслях нет! Впрочем, не хотите, как хотите.

Он подвигает вазочку ко мне. Попытка установить контакт забавна... но полуголодное существование не настраивает меня на веселье, поэтому произношу сдержанно и чет-

ко:

– Предлагаю начистоту, док. Я не голубчик и не дружок. Я вам не нравлюсь. Вы мне не нравитесь. Задавайте вопросы или баш на баш: вы мне – штамп в диагностической карте, я вам – рекомендацию. Идет?

Смотрю на него в упор, тем взглядом, от которого раньше в страхе сжимались солдаты и падали на колени люди. Но доктор лишь сокрушенно качает головой.

– Боюсь, вы что-то напутали, голубчик. Ошибочно приняли меня за кого-то, и я даже знаю, за кого: за бездушного карьериста, которому нет дела до чужих судеб. Возможно, вы привыкли иметь дело именно с такими? Тогда мне вас искренне жаль.

– Так что за печаль? – огрызаюсь. – Подпишите карту, и мы никогда больше не встретимся.

– Э, нет! Так не пойдет, – категорически заявляет он. – Ничего не дается легко и просто, вам ли не знать? Побег от проблемы так и останется побегом, но не ее решением.

– Мне нечего решать.

– Вы, правда, так думаете? – улыбается доктор, словно знает какую-то тайну. А я вжимаюсь в спинку дивана: очередная паническая волна накрывает с головой. Вспоминаю о своем сне, о русалке с перерезанным горлом. Когда тебя возбуждают мертвые девушки – это определенно проблема, приятель.

– Сделаем так, – говорит доктор. – Я больше не стану

утомлять вас разговорами и расспросами. Когда вы будете готовы – сами скажете мне об этом. Хорошо? Но только – я подчеркиваю! – когда захотите сами.

– А если я никогда не захочу?

– О! – пылко возражает он. – Вы захотите. Ведь будь иначе, вы не появились бы здесь, не так ли? Вы и ваши товарищи. И говоря «здесь», я имею в виду не только мой кабинет, а город и общество в целом.

Не знаю, что на это сказать. Сердце бьется тревожно и быстро, а я не могу его контролировать. И это пугает.

– Друг мой, я знаю таких, как вы, – мягко произносит доктор. – У вас внутри огонь. Вы научились прятать его очень глубоко, но поверьте, я умею разглядеть пылающие души. И вы не успокоитесь, пока не завершите начатое. Я прав?

Ежусь. От его слов что-то поднимается во мне – я еще не могу подобрать этому чувству название, но мне не нравится его горький привкус. Я долго думаю прежде, чем ответить:

– Так что вы будете делать теперь?

– Ждать, – просто отвечает доктор. – И разговаривать о разных вещах. О погоде. О сладостях. О музыке. О несносных соседях. О натирающих ноги туфлях. Да мало ли найдется тем? А пока, – он снова указывает на хрустальную вазочку, – все-таки попробуйте мороженое. Ей богу, если не захотите, придется выкинуть. А жалко.

Он протягивает чайную ложку. Машинально беру ее и наблюдаю, как скользнувший из-под штор солнечный зайчик

играет на полированной грани.

* * *

И с чего я паниковал?

Доктор не вскрыл меня ни ножом, ни словом. К тому же, встреча с психо-тера-певтом наводит на мысль, что у Пола тоже был свой куратор. Вот только разглашать информацию никто из врачей не станет. Возможно, расскажет полицейскому, но не лаборанту. Тем более – не васпе.

Значит, этот вариант отпадает. Тогда что еще? Может, Пол тоже вел дневник? Нужно узнать у Расса и попасть в опечатанную квартиру.

5 апреля, суббота. Перемены

До Перехода я почти не общался с Рассом. Пересекаясь на заданиях, мы не обменивались и словом. У каждого была своя территория и добыча. Я – офицер преторианской гвардии головного Улья. Какое мне дело до приграничья? Комендант значимая фигура в иерархии васпов, но не преторианец. Он никогда не знал, каково это – слышать в голове тоскливый шепот Королевы. И не узнает, каково это – остаться с пустотой вместо него.

Кошмары о смерти Королевы преследуют меня не реже, чем сны об убийствах.

Я был слишком слаб, чтобы участвовать в сражениях, когда Ульи подвергались бомбардировке, а васпы гибли сотнями, пытаюсь защитить свою богиню и мать. Зато я помню боль, похожую на взрыв фугасной бомбы в голове. Пожар, опаливший внутренности и оставивший тлеть не разумное существо – головешку. Помню вой: он вспорол меня, будто разделочным ножом. Меня рвало кровью и желчью, а она звала меня, звала, звала... Этому зову нельзя противиться, его нельзя забыть. Инстинкт вел меня туда, где в муках корчилась Королева, опаленная огнем, отравленная ядом.

– Пойми, – говорил Торий, – тебя так выдрессировали.

Понимаю. Конечно, она не была ни богом, ни матерью. Наша тоска по ней – тоска по прошлому. Но со смертью Ко-

ролевы умерла часть меня. Она была тем, что соединяет рой, и люди быстро догадались, как обезоружить монстра: они препарировали нам мозг. Нервные окончания по-прежнему посылают импульсы, но они уходят в пустоту. И эта пустота коварна. Она может ждать очень долго, так долго, пока не потеряешь бдительность. Пока не кончатся таблетки – белые, голубые и красные. Пока тоска не станет такой мучительной, а тьма такой беспросветной, что устаешь бороться и сдаешься. И поворачиваешься к пустоте лицом, заглядывая в провалы ее глаз. Тогда она заглядывает в твои...

– Нет, – категорично говорит Расс. – Это слишком простой выход.

Он разливает по стаканам бесцветную, остро пахнущую жидкость. Из закуски только горсть конфет.

– Помянем Пола!

И опрокидывает содержимое стакана в глотку. Пью следом, морщусь. Местная водка довольно крепкая, но совсем не то, что мы распивали в Ульях – настойка на еловой хвое, высушенной траве илас и сильно разбавленном яде Королевы.

– Я звонил в морг, – приглушенно говорит Расс. – Ты знал, что его уже похоронили?

Жар, возникший в горле, опускается вниз и достает до сердца. И оно вспыхивает и начинает биться тревожнее и быстрее обычного.

«У вас внутри огонь», – вспоминаются слова доктора с

непроизносимым именем.

Я прижимаю кулак к груди. Качаю головой, без слов отвечая на вопрос Расса. Не знал. Откуда?

– Да, – продолжает комендант. – Родных у Пола нет. Имущества тоже. Думаешь, он покончил бы с собой, зная, что его зареют, как дворнягу?

– Мертвым все равно.

Я отворачиваюсь и смотрю в угол комнаты. У изголовья кровати ворочается и вздыхает тьма. Чем она гуще, тем легче в ней спрятаться чудовищам. Слышится легкий шорох – это мыши скребутся в поисках крошек. Но брат у Расса нечего: он живет в обустроенном подвале, в котором раньше хранили дворницкие принадлежности и ненужный хлам. А теперь половину помещения занимает железная кровать, другую половину – стол. И всю комнатку можно пересечь в два шага.

– Надо осмотреть квартиру Пола, – говорю я.

Некоторое время Расс думает, жует конфету, потом произносит:

– Я знаком с вахтером из его дома. Дед не злой. К нашим хорошо относится. А за бутылку другом станет. Проверено.

Расс ухмыляется, и я ухмыляюсь следом. В этом мире деньги не только шуршат, но и булькают. Сколько спирта можно унести из лаборатории Тория? Бутылки хватит.

Спрашиваю:

– Когда его можно застать?

– А всегда! Он на вахте и живет, пока домоуправша разрешает. Его дети из квартиры выгнали.

– Почему выгнали? Им жить негде?

Расс фыркает и смотрит так, словно я сморозил величайшую чушь.

– Как же! Деньги им нужны. Квартиру можно задорого продать. И хорошо, что выселили, а не убили.

Мир людей не менее жесток, чем мир васпов. Возможно, Пола тоже убили из корысти? Расс тем временем разливает водку по стаканам.

– За здоровье! – комментирует он и осушает махом.

Я следую его примеру. Когда пьешь – не слишком думаешь о еде. Напряжение последних дней спадает, и пустота исчезает ненадолго.

– Знаешь, что сказал Пол, когда мы виделись последний раз? – спрашивает Расс и отвечает сам: – Переход – лучшее, что с ним случилось за всю жизнь. Да, не все идет гладко. Но у нас появилась возможность выбора. Возможность самим распоряжаться судьбой.

– Возможность жить в подвале и работать дворником.

Дразнить медведя в его же берлоге не лучшая затея, но Расс не понимает сарказма. Он хлопает ладонью по столу и говорит:

– Пусть! Я верю, скоро все изменится к лучшему. Надо только подождать. Перемены уже происходят. Слышал про «Открытые двери»?

Еще бы. Этот благотворительный фонд сразу взял на себя заботу о беженцах с Севера. Иронично, но васпы тоже попали под эту категорию. Еще более иронично, что основатель фонда – женщина.

– Миллер, – вспоминаю режущую слух явно не Южно-удельскую фамилию.

– Хлоя, – благоговейно поправляет Расс и подпирает кулаком небритую щеку: – Помнишь рядового Свена? Долговязого пацана из четвертого Улья? Он как раз служил под командованием Пола.

– Я должен знать всех рядовых в лицо?

– А Хлоя знает! – ухмыляется Расс.

Это явная шпилька в мой адрес, маленькая месть за предыдущий сарказм. И пока я перевариваю услышанное, комендант продолжает, как ни в чем не бывало:

– Так вот, Свен обратился к ней за помощью. Пацан молодой. Ему учиться надо. А Хлоя запросила результаты его диа-гнос-тической карты, подготовила это... как его? Ходатайство! – Расс выплевывает непривычное слово, как ругательство. – И выбила ему место в тех-ни-куме! Представляешь?

Он смотрит со значением, будто ожидает, что я упаду со стула от изумления. И когда этого не происходит, заканчивает:

– Если он будет хорошо учиться, то попадет в институт.

Действительно, прорыв. Я должен радоваться за парня, но

на душе отчего-то становится кисло.

– Почему он пошел к ней, а не ко мне?

– А что бы ты сделал? У тебя, конечно, чуть больше прав, чем у остальных. Непыльная работа и известность в определенных кругах. Но у людей куда больше возможностей и связей. Да и признай: не каждый рядовой решит добровольно подойти к преторианцу. К тебе тем более.

Он прав. Даже перешагнув через годы унижений и муштры, признав во мне лидера и пойдя за мной, васпы знают, что я носил панцирь Зверя и опасаются этого.

– Место женщины у плиты, а не в политике, – бормочу я.

Расс хохочет в голос и поднимает новый стакан.

– Тогда выпьем за перемены!

Мы пьем. А потом еще и еще. Расс достает пожелтевшую тетрадку с замурзанными краями и начинает зачитывать стихи. Я мало что понимаю в этом. Но делаю вид, что слушаю, хотя мыслями нахожусь далеко. Думаю о Си-Вай. Сумев однажды накрыть осиное гнездо, они смогут проделать это снова. Зачем убирать нас по одному? Куда проще доказать, что мы все те же подонки, и загнать в лаборатории, откуда никто не выйдет живым. Думаю о благотворительном фонде и женщине, которая взялась решать проблемы васпов за моей спиной. Это злит, несмотря на возможные перспективы.

6 апреля, воскресенье. Воспоминания

Записал сразу, как только вернулся домой. Не считаю попойку с комендантом выдающимся событием, но если берусь – довожу начатое до конца. В рапортах я всегда крайне педантичен и четко соблюдаю хронологию.

Итак. Сейчас – четыре часа пополудни. Остаток дня проведу дома. Моя голова похожа на улей, в котором носятся ополоумевшие осы, и я готов выпить всю воду, которая течет из крана, будь она трижды ржавая.

Сегодня я ставлю рекорд: в кои-то веки проспал за сутки не четыре и даже не семь часов, а целых одиннадцать! Ночью – у Расса, на полу. Днем – у себя и тоже на полу. Просто не дошел до кровати и упал там, где подкосились ноги. А еще я не принимал таблетки. Думаю, именно поэтому мне приснились кошмары. Не те, что снятся обычно.

Этот сон отбросил меня на три года назад. Ко времени, когда я стал Зверем и поборол смерть.

* * *

Снег в Даре начинает таять где-то к концу апреля. За май он сходит полностью. Но, дьявол! Какой же длинной оказалась весна...

Каждый раз, погружаясь в беспамятство, я хочу проснуться через десять, двадцать, сорок часов. Или же не просыпаться вовсе. В короткие мгновенья забытья вижу себя со сторо-

ны – идущего через буковые леса Зверя. Ветер доносит запах гари и сыплет с неба огненную крупу. Солнце встает за хребтом, и земля трескается, крошится в пыль и пепел под стальными когтями. Я чувствую запах крови и невыносимой сладости, словно пропитанную кровью и жженым сахаром тряпку прижимают к самому носу. Тогда становится трудно дышать и появляется чувство падения – бесконечный полет в антрацитовую мглу, изъеденную воспаленными язвами пожаров.

В разверзшейся жаровне я вижу лица слепых и вечно голодных подземных богов – они беснуются на неизмеримой глубине, бесформенные и лишённые разума. Их голоса напоминают треск помех в радиоприемнике или падение талых сосулек. Я прошу о чем-то, но не слышу собственных слов. Потом их бесформенные тени меняются, становятся выше и прозрачнее. Верхушки вскипают морской пеной и с ревом бьются о скалистые берега – как на картинках в моей детской книжке. Брызги въедаются солью в подставленное ветру лицо, сзади подходит женщина и обнимает за плечи. Ее руки мягкие, ласковые и теплые. От нее пахнет хлебом и молоком.

– Вот видишь, родной. Я показала тебе море, как обещала...

Она целует меня в макушку и начинает отступать обратно, в студеную тьму. Тянусь следом, но ноги вязнут в трясине. Силуэт женщины превращается в бесформенную тень. Она съезживается, руки становятся крыльями, из черного изогну-

того клюва вырываются не слова, а хриплое карканье.

– Кыш, проклятый! – кричит кто-то.

Ворон срывается с открытых ставен. До меня долетает запах травы и ягод, нехарактерный для ранней весны.

– Что ты сделаешь для меня?

Надо мной склоняется женщина – не та, лица которой я не помню. Эта знакома мне до каждой складки в углах губ, до морщинок, пересекающих чистый и высокий лоб, до шрамов на ключицах. Ее волосы – снежное покрывало. Глаза – матовое стекло. Женщина слепа, но каким-то иным зрением она видит меня: распостертого на простынях, израненного, обожженного.

– Когда ты вернешься в Улей, что ты сделаешь для меня? – повторяет она.

– Я не вернусь туда...

Губы не слушаются, ожоги стягивают кожу, словно панцирь. Удивительно, как я не ослеп, подобно Нанне. Удивительно, как я вообще выжил.

Ведьма смеется, но смех ее печален.

– О, ты вернешься! – говорит она и гладит по щеке аккуратно, стараясь не разбередить раны. – Ты всегда возвращаешься.

– Я не вернусь, – повторяю. – Я предал Устав. Меня убьют. Королева мертва. У меня больше нет дома.

Опускаю веки. С еловых ветвей падают стеклянные капли, разбиваются о корни. Далекий звон наполняет уши, и сквозь

него слышится печальный, уставший голос Нанны:

– Все когда-нибудь проходит. И это пройдет тоже. И наступит новый день и новая весна. И когда это случится, обещай мне... обещай уйти навсегда? И никогда больше не возвращаться.

Сердце замирает, немеют пальцы и губы – стервенеющий жар выедаёт изнутри.

– Я устала, – продолжает она голосом тихим и текучим, как вода. – Я ждала так долго, что успела состариться душой. Я отдавала тепло так долго, что выстыла изнутри, как брошенная изба. Так долго всматривалась в тебя... Но бездна глубока, и дна не видно. И я боюсь потеряться во мраке. А теперь пришло время перемен. Их, как зерна, принесли весенние ветры и проронили в почву. Дожди напитают их, и они прорастут травой, и ты вместе с ними окрепнешь. Так дай прорасти и мне?

Она гладит меня по голове, по рукам. Наклоняется и целует в обожженные веки. Но я не ощущаю ничего, кроме боли. Проваливаюсь в беспамятство, а потому не отвечаю ей.

Я часто говорил себе и другим, что избавился от человеческих чувств. Но это было ложью.

* * *

Нанна...

Я больше никогда не произнесу этого имени вслух. Моя первая женщина и моя единственная любовь. Любовь ли? Достаточно того, что мы нуждались друг в друге.

Она – ведьма. И я – чудовище. Оба калеки. Оба изгои.

Конечно, я не выполнил ни одного обещания. Наша связь была болезненной и долгой. Но именно тогда, балансируя на грани жизни и смерти, я ощутил раскол.

Весенняя оттепель взломала лед, и в разломе глянцево блеснула вода – еще холодная и черная, выстуженная за долгую зиму. Я заглянул в нее и не увидел дна, а только неизмеримо глубокую бездну, у которой было мое лицо. Тогда я ощутил страх – впервые за долгое время.

Это было время крушения нашего холодного мира. Время ледохода.

Именно поэтому я не люблю весну.

Голые деревья ввергают в уныние. Трещины льда на реке – как лопнувшая сеть капилляров. И эта нескончаемая сырость... И городская какофония... и неоновые огни реклам, и гомон ворон, и трамвайные звонки, и крикливые голоса...

Весна – время кардинальных перемен. Я ведь говорил, что любая перемена болезненна?

* * *

Записи прекрасно убивают время и прочищают мозги. В центре говорили, что у меня высокий потенциал и хорошая обучаемость, мне пришлось прочитать уйму книг и, как оказалось, мне самому нравится писать: буквы выходят ровными, подтянутыми, как солдаты на построении. Это похоже на трудотерапию в центре – рассортировать саженцы, перебрать ягоды, выбелить деревья, покрасить забор. Монотонная ра-

бота, отвлекающая от дурных мыслей и занимающая руки.

У людей бытует поговорка: мужчина должен сделать три дела – построить дом, посадить дерево и вырастить сына.

Дом, не дом, а мастерить я научился неплохо. Одна из скамеек стоит возле центра на аллее, тоже высаженной васпам. Мое дерево – молоденький клен, вроде того, что растет в сквере с фонтаном.

С сыном сложнее. Васпы бесплодны. Это побочный эффект перерождения. Мы не просто осы, мы машины смерти. Солдаты, чья высшая цель погибнуть, защищая свое божество. Продолжение рода – это забота Королевы-матки. Благодаря яду из человеческого ребенка может получиться монстр.

Но Королевы больше нет. Мы вымирающая раса. Последние васпы в мире.

Торий говорит: очень грустно ощущать себя последним из рода. Ученые говорят: можно попробовать восстановить репродуктивную функцию. Си-Вай говорит: надо продолжить опыты и вывести новые образцы искусственным путем.

Я сказал сразу после Перехода и говорю сейчас: не надо. Что даст искусственное выведение? Выносливость, сила и чудесное заживление ран не изменят факта, что ты, по сути, являешься недочеловеком. И не выйдет ли эксперимент из-под контроля, как это случилось много лет назад? Нам дали шанс прожить остаток жизни спокойно и исчезнуть, как положено мифу.

Из всех стихов, которые читал Расс, вспоминаются эти:
*«Я хотел бы стать призраком. Просто тенью.
Не иметь ног – невесомо скользить над землей.
Снять с нее, израненной, груз неуклюжего тела.
Не иметь рук – не касаться надломленных веток
старой сосны, истекающей кровью и соком.
Я хотел бы оставить лишь сердце – но где его взять?
Сердце не бывает у палачей».*

7 апреля, понедельник. Затишье перед бурей

Сегодня я бодр, подтянут и точен. Ждет важное дело, ради которого стоило подняться в такую рань.

Сторож на вахте зеваает, спрашивает шутливо:

– Чего не спится? Грехи не дают?

Я растягиваю губы в вежливой улыбке. Иногда сложно понять, где у людей заканчивается юмор и начинается издевка, поэтому спокойно отвечаю:

– Много работы.

Забираю ключи от лаборатории и поднимаюсь наверх.

В Институте ни души, но свидетели мне ни к чему. Сегодняшнее дело подпадает под статью уголовного кодекса Южноуделья и называется «кража со взломом».

Что будет, если меня застукают на месте преступления? Вернут в центр? Расстреляют на месте? Не знаю, мне никогда не приходила в голову мысль что-то украсть. Даже когда не было денег. Даже когда я сильно голодал.

Но ведь прежде никто из васпов не вешался на дверной ручке.

Отмычку помог сделать Расс – в его владениях полно ненужного хлама вроде мотков проволоки или ржавых ключей. А я, будучи преторианцем, умею вскрывать замки или заводить без ключа машины, или собирать взрывчатку «из

соплей и веток».

Раздумываю, не взломать ли квартиру Пола? Чутье подсказывает, что в этом случае я точно не отделаюсь легко. А вот вахтер, подкупленный бутылью спирта, вполне может помочь. С него и спрос меньше.

Замок у Тория паршивый, а шифр у шкафчика простой. Будь такие замки в Ульях, я сбежал бы оттуда в первую зиму.

Все препараты в Институте выдаются под роспись. И спирт в том числе. Рано или поздно Торий заметит пропажу, но кто докажет? Я работаю в резиновых перчатках, одолженных у Рассы. И уже придумал, где спрячу бутылку – за бак с отходами, куда кроме лаборанта «подай-принеси» никто не сунется.

Бутылки стоят на верхней полке. Отвинчиваю пробку, дабы удостовериться, что это действительно спирт, а не кислота. В ноздри бьет резкий запах, от которого начинает мутить – после недавней попойки на алкоголь глаза не смотрят. Радует, что в этом васпы не отличаются от людей.

Я собираюсь завинтить крышку обратно и тут слышу шаги.

В пустом коридоре они отдаются эхом: одни – четкие, решительные; другие – легкие, семенящие. Идут двое – мужчина и женщина. И мое сердце начинает стучать в такт этим приближающимся шагам.

Я даже не успеваю придумать, куда спрятаться, как в замке несколько раз поворачивается ключ и знакомый голос

произносит:

– Странно, здесь открыто.

Дверь распахивается, и Торий добавляет:

– Наверное, в пятницу так спешил за покупками, что забыл закрыть. Рассеянность – мой единственный недостаток. В остальном я, конечно, идеален!

Он смеется, а женщина подхватывает его смех. И входит первая. И замирает на пороге. Замираю и я. Температура в кабинете сразу взлетает на несколько градусов.

Виноваты ли алкогольные пары, или события прошедших дней действительно довели до ручки, но передо мной во плоти стоит моя русалка.

Льняные волосы закручены в жгуты, кожа молочно белая, в глазах сверкают кристаллики морской соли. Или это блики отражаются от стекол очков? И не вышитая сорочка прикрывает ее узкие плечи и маленькую грудь, а клетчатая рубашка.

Она еще улыбается по инерции, но брови удивленно ползут вверх. За ее спиной вижу застывший силуэт Тория – по сравнению с хрупкой русалкой он кажется великаном.

– Доброе утро, – как ни в чем не бывало, дружелюбно произносит она. – Простите, мы вам помешали...

Стою, как истукан – в одной руке открытая бутылка, в другой – отмычка. К возрастающей температуре добавляется электрическое потрескивание – я почти физически ощущаю его и знаю, что это начинает закипать Торий. Его глаза белеют, на скулах играют желваки. Я съезживаюсь, ожидая взры-

ва, но вместо этого он указывает на бутылку и произносит наигранно радостным тоном:

– О, я гляжу, подвезли? Все в порядке? Не разбавлено, как в прошлый раз? – и поворачивается к спутнице: – Знаешь, за этими поставщиками глаз да глаз. Жулики! Закажешь спирт, а привезут воду. Приходится проверять.

– Неужели? – удивляется девушка. – И часто такое бывает?

– Частенько! Как видишь, один не справляюсь, приходится лаборантам поручать. Иной раз так напроверяются, что к концу дня на ногах не стоят. Я им за вредность премии выписываю. Печень ведь не казенная, – и снова ко мне: – Так ты ставь на место, ставь! Мне за него еще по накладной отчитываться, а ты этих бюрократов знаешь.

Ставлю бутылку обратно. Голова идет кругом. Ехидный тон профессора не вяжется с его яростным взглядом, от которого я вот-вот вспыхну, как папиросная бумага.

– Большая удача, что ты такая ранняя пташка, Ян, – обращается ко мне Торий. – Давно хотел вас познакомить, теперь исправляю ошибку. Хлоя Миллер, моя давняя знакомая и основательница фонда «Открытые двери».

– А я вас сразу узнала, – говорит Хлоя и протягивает руку. Делаю над собой усилие и выщеживаю сквозь зубы:

– Каким образом? Мы не встречались.

– Нет, – улыбается она. – К сожалению, когда я приезжала в реабилитационный центр, вы были на занятиях искус-

ством. О! – ее глаза восторженно распахиваются. – Я видела вашу работу! И должна сказать, это очень впечатляющая картина! Одинокое дерево на холме. Сломанная ветка качается на ветру, словно напоминание о скоротечности нашей жизни...

– Это был висельник, – отвечаю и демонстративно засовываю руки в карманы.

– Хм... ну что ж, простите, – хмурится Хлоя. – Совсем позабыла, что вы не приветствуете друг друга таким способом.

В голосе слышится нотка затаенной обиды.

– Им еще многому предстоит научиться, – вмешивается Торий. – Дикари.

Хлоя поправляет очки.

– Так я могу взять твои наработки? – обращается она к профессору. – Мне не помешало бы тщательнее ознакомиться с материалом.

– Конечно, я ведь обещал.

Торий проходит мимо, обливает меня презрительным взглядом, не обещающим ничего хорошего, незаметно для Хлои показывает за спиной кулак и достает из стола набитый бумагами скоросшиватель. На папке аккуратно выведена большая цифра «4». Я сразу узнаю эти документы: они посвящены четвертой экспедиции в Дар. Той самой, во время которой я впервые познакомился с Торием, предварительно вырезав остальных ее участников.

– Вы знаете, я готовлю поправки в законопроект, – поясняет Хлоя.

– О чем именно? – спрашиваю сухо.

– О гражданских правах, конечно же. Мы должны сделать все возможное, чтобы остановить расовую дискриминацию васпов в любой сфере, будь то товары, услуги, прием на учебу или работу.

– В прошлый раз подобный законопроект отклонили во втором чтении.

– На этот раз буду стараться лучше, обещаю! – заверяет Хлоя. – Когда документ будет готов, я хотела бы обсудить его. Как вы на это смотрите?

Вспоминаю недавний разговор с Рассом, и проклятый дух противоречия тут же вносит свои коррективы.

– Скептически, – говорю я, игнорируя гримасы Тория.

– Почему? – щурится Хлоя, в ее голосе нарастает напряжение. – Вы не верите в успех?

– Не в этой жизни, – и на всякий случай отодвигаюсь от профессора подальше.

– Что же я не предложил чаю? – спохватывается Торий. – Ян, ты здесь закончил? Тогда сходи к Марте, и если она пришла, попроси у нее гостевой сервиз. Хлоя, присаживайся сюда...

Он подвигает кресло, но девушка не спешит садиться. Вместо этого накрывает его руку своей ладонью.

– Виктор, прости. Я ознакомлюсь с этими материалами

дома, если ты позволишь.

– Но чай...

– Не стоит, – она говорит вежливо и прохладно. – Я не голодна. К тому же, у вас без меня много дел, – она кивком указывает на раскрытый шкаф. – Смотрите-ка, там еще целых три не распробованных бутылки!

Хлоя лучезарно улыбается, берет со стола папку и, быстро распрощавшись, исчезает за дверью. Резкий хлопок заставляет подпрыгнуть и меня, и Тория. Мы молчим, вслушиваясь в легкие удаляющиеся шаги. Потом Виктор поворачивается, и я понимаю: пора начинать придумывать оправдание своему поступку.

– Даю тебе ровно минуту, чтобы придумать правдоподобную историю, – говорит Торий.

Иногда мне кажется, что договор на крови, связывающий васпу и человека, еще в силе. Легче думать так, чем ставить под сомнение способность контролировать мысли и чувства. Контроль – священная корова для васпов. Правда, в центре этому дали другое название – замкнутость. Но Торий время от времени умудряется пробить мою оборону.

– Знаешь, как у нас говорят, – продолжает он чересчур спокойным тоном. Его выдержка – тонкая сухая корка, прикрывающая потоки бурлящей магмы. – Можно посадить обезьяну в театр, но от этого культурным человеком она не станет.

Это я-то обезьяна? Ухмыляюсь. В глазах Тория тут же

вскипает пламя.

– Ты что, не понимаешь, как вести себя в обществе? Хлюя о вас, свиньях неблагодарных, заботится! А ты... – Торий хватается за голову, а потом замолкает, будто прозревает, и спрашивает: – А ты что вообще здесь делаешь?

Сказать правду или соврать? В воздухе разливаются, вскипают пеной эмоциональные волны. Именно в такие моменты Торий тоже задается вопросом «зачем?». У людей бытует еще одна поговорка: «Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит».

– И даже не вздумай юлить! – прерывает мои размышления Торий. – Это кем надо быть, чтобы опуститься до кражи спирта? Чтобы вообще опуститься до кражи?

Он задыхается от возмущения. Вулкан извергается, и лава захлестывает с головой. Я камнем иду ко дну, вязну в эмоциональном водовороте.

– Сбавь... тон, – вместо слов выходит каша, и Торий не слышит меня.

– Если у тебя проблемы с деньгами, обращай ко мне! Обращайся в фонд! К психотерапевту! Хоть к черту! Но как же! У нас ведь гордость! Лучше все выходные пьянствовать с друзьями! Начнем с кражи спирта, а дальше что? Ценности? Деньги?

Последние слова бьют наотмашь. Я хватаюсь за спинку стула, сжимаю пальцы до белых костяшек и повторяю чуть громче:

– Сбавь тон!

И поднимаю голову.

Торий вздрагивает. Умолкает. Волны возмущения и обиды все еще закручиваются вокруг него бурунами, но теперь к ним примешивается пресноводная, гнилостная струйка страха.

Так смотрел на меня северянин из службы гарантийного обслуживания. Так смотрят на хищника, осознавая таящуюся опасность.

Накатывает тоска. Хочется повернуться и выйти из кабинета. Если ты до сих пор не научился вести себя, как человек, ты – зверь, и твое место – в клетке.

Облизываю губы и стараюсь, чтобы мои слова прозвучали как можно мягче.

– Не нужно повышать голос, – и, подумав, добавляю: – Пожалуйста...

Это звучит, как оправдание, как уступка. Но для таких, как я, уступка – не показатель слабости, а зачастую единственная альтернатива.

Торий тоже берет себя в руки. Волны становятся ниже, спокойнее. И хотя кое-где еще кружатся водовороты, буря отступает.

– Хорошо, – произносит, наконец, Торий. – Но ты скажешь мне: зачем? Может, я смогу чем-то действительно помочь тебе...

Может. У людей куда больше возможностей и связей, не

так ли?

Я принимаю решение. И наступает штиль.

* * *

Но это лишь затишье перед бурей.

Она начинается ближе к вечеру: тучи густеют, набухают черной гематомой. В помещении темнеет, а ветер неистово воеет в ветвях и приносит похолодание и дожди.

Я расставляю столы в конференц-зале: там вовсю идет подготовка к сим-по-зиуму – еще одно слово, которое проще написать на бумаге, чем произнести вслух. У Тория много работы, поэтому я прощен и помилован.

Сейчас профессор увлеченно беседует с коллегами на непонятные темы, их речь походит на жужжание потревоженных ос.

Лаборант Родион настраивает телевизор. Треск помех и искаженные динамиком звуки нервируют. Каждый раз, когда он переключает каналы, я внутренне напрягаюсь, ожидая услышать что-то знакомое и страшное, и долго не могу осознать причину, списывая нервозность то на утреннюю стычку с Хлоей Миллер, то на последующий разговор с Торием. Но вскоре осознаю, что дело не в них.

И помехи в эфире, и жужжащие далекие голоса, и начавшийся дождь за окном – все это слишком походит на зов мертвой Королевы.

Земля тотчас же уходит из-под ног, нарастающий гул отдается в ушах мучительным звоном.

Если замереть на месте, стать невидимкой – буря не заметит, обойдет стороной. И темные чудовища, порожденные больным сознанием, уйдут тоже...

– Ян? Ты там заснул, что ли?

Раздраженный окрик лаборанта как спасательный круг. Я тут же хватаюсь за него, сбрасываю оцепенение.

– Помоги-ка настроить изображение, – говорит Родион. – Эта техника старше, чем прабабка мамонта. Давно пора на списание.

И косится в сторону профессора. Тот перехватывает взгляд, морщится и произносит рассеянно:

– Финансирования нет.

Потом возвращается к разговору.

– Нет, как же, – недоверчиво хмыкает Родион и ныряет за телевизор. – А ну-ка, смотри! Меняется изображение или нет?

Родиону двадцать три, но он позволяет себе общаться со мной в слегка высокомерной манере. Это раздражает, и я сосредотачиваюсь на экране. По нему бегут, чередуясь, черные и белые полосы. Ветви наотмашь бьют в стекло, и свет в зале мигает.

– Люблю грозу в начале мая! – скандирует кто-то.

– Рановато, апрель на дворе, – откликаются в ответ. – Родик, ты там аккуратнее, как бы током не ударило!

– Ничего! – отзывается Родион. – А ну-ка?

Несколько секунд изображение идет рябью, а потом обре-

тает четкость. На экране – мужчина в деловом костюме. Его губы шевелятся, но звука нет. Потом Родион щелкает тумблером, и до меня долетает окончание фразы:

– ...пока нет причин для беспокойства, почему вы все-таки видите необходимость в сегрегации?

Камера смещает план и появляется другой человек. Я тотчас узнаю его. Вдоль хребта рассыпаются ледяные иголки. Одна из них достает до сердца, и оно застывает.

– А вы считаете, необходимости нет? – вкрадчиво отвечает человек в телевизоре. – Помилуйте, пан Крушецкий! Вообразите: вы поехали с супругой в ресторан, а за соседним столиком сидят... *эти*! Сидят и... потребляют пищу! Столовыми приборами пользоваться не обучены, вести себя в обществе не умеют. И пройдет каких-то десять минут, как один из... *них* отвесит вашей супруге скабрёзность! Конфуз! Скандал! Вот вы смеетесь, а я, между тем, наблюдал подобную сцену. Не в ресторане – упаси Пресвятая дева! В более скромном заведении, еще бы *их* пустили в ресторан! – он фыркает. – И потом, у вас ведь есть дочь? Кстати, позвольте поздравить, она теперь студентка? Так вот, вообразите, что отныне вместе с ней будет учиться один из *этих*, – на слове «этих» каждый раз ставится акцент. – А ну как *она* овладеет ею, простите за такую прямоту?

– У вас хорошая фантазия, пан Морташ, – с легкой улыбкой говорит ведущий.

– Фантазия может воплотиться в реальность, – возражает

тот. – И оглянуться не успеете, как воплотится. Бедолаги из благотворительных фондов горазды лоб расшибить, лишь бы всех облагодетельствовать. А *эти*, облагодетельствованные, нож в спину воткнут при первом удобном случае. Потому что никто из благодетелей не был в Даре и не видел, как *они* беззащитных селян грабили. Как убивали мужчин и насильовали женщин. Вы не были там, пан Крушецкий. А я был.

Его слова резонируют во мне. Из глубин поднимается что-то гнетущее, злое, долго копящееся под спудом, но теперь настойчиво требующее выхода.

– Вот вы говорите, – меж тем продолжает Морташ, – нравственное воспитание, развитие личности. А мне это даже слушать странно. Потому что нет у них никакой личности. А есть только инстинкт – разрушать. Это головорезы и насильники, живущие по законам стаи. Вся личность убита давно, есть только механизм разрушения. А какое сочувствие может быть механизму?

– Родик! Кретин! Выключи сейчас же!

Кто-то кричит за моей спиной, но я не понимаю, кто. Свет несколько раз мигает, а потом меркнет. Или это кто-то щелкает выключателем внутри моей головы? Рубильник на «выкл», рубильник на «вкл».

Стены содрогаются. Мир разлетается в щепки, рядом вскрикивают женские голоса. Я вздрагиваю и возвращаюсь в реальность.

Дышу тяжело, будто пробежал стометровку. Правая рука

саднит и ноет – в ладони застряла тонкая щепка. Медленно вытягиваю ее. Нет ни боли, ни крови. Зато у противоположной стены валяется разбитый вдребезги стул. От удара по штукатурке проходит извилистая трещина.

Вокруг тишина. Телевизор мертв. Рядом с ним, открыв рот, сидит перепуганный Родион. И все, находящиеся в помещении, молчат и смотрят на меня. Только слышно, как ливень грохочет по крышам и стеклам.

– Ян... – наконец произносит Торий.

Он подается навстречу, но я отступаю к двери:

– Сожалею. Вычтешь из моего жалованья.

И выхожу в коридор.

Тьма густеет, волной перекатывает через подоконник. Течет по пятнам, как разлитые чернила. Я иду быстро, не сбавляя шага. Попадающиеся на пути люди смотрят с удивлением, а я не различаю ни лиц, ни фигур – только бумажные силуэты. Их, словно пожухлую листву, подхватывает буря и кидает в свою ненасытную глотку. Она воеет от тоски и злобы. Может, зовет меня, и внутренняя пустота откликается на зов.

* * *

Торий догоняет меня в коридоре. Разворачивает за плечо. Держит цепко, словно боится чего-то.

Говорю ему:

– Я в порядке.

Но буря все еще воеет в моей голове, и захват не ослабева-

ет. Торий усмехается болезненно, спрашивает:

– Настолько в порядке, что пропало желание швыряться стульями?

Пожимаю плечами, но не пытаюсь вырваться. Взгляда не отвожу. Чую, как Торий нервничает, но на этот раз он боится не меня. Мне кажется – и я понимаю, насколько глупо это звучит, – он боится за меня.

– Морташ – глава Си-Вай, – произносит Торий. – Он спит и видит, как упечь васпов в лаборатории. Не бери близко к сердцу. Думаю, его подстегнула новая попытка Хлои продвинуть законопроект.

– Вот что случается, когда женщина занимается не женским делом.

Торий смеется.

– Брось! На твоём месте я бы спрятал свою гордость подальше и начал сотрудничать с фондом. Если сидеть в своей раковине – Си-Вай обнаглеет вконец. Сам видишь, уже на телевиденье просочились.

– А что я могу сделать?

– Можно позвонить руководству канала и дать опровержение, – предлагает Торий. – Я свяжусь с Хлоей. Думаю, она будет рада озвучить свои планы на широкую аудиторию.

Пожимаю плечами снова. В ушах шумит, сердце колотится, как бешеное. И только теперь понимаю весь ужас своего состояния: я сорвался. Я потерял контроль и мог убить.

Накатывает дурнота. Сглатываю, игнорируя раздражаю-

щую меня бурю, и говорю спокойно и взвешено:

– Хорошо. Пусть так. Но сначала надо попасть в квартиру Пола. Ты все еще со мной?

Пытливо смотрю на Тория. Он добродушно улыбается:

– Конечно. За тобой нужен глаз да глаз, иначе не напа-
сешься ни спирта, ни стульев, ни телевизоров.

8 апреля, вторник. Обыск

Пять утра. Просыпаюсь от страшного треска за окном. Оказывается, бурей сорвало верхушку старого тополя. Ветки чудом не задели провод и теперь лежат поперек двора, стиснутого кирпичными коробками домов. Костью белеет обломанный ствол.

Столько зим пережил он, столько бурь прошло мимо, почему же сломался теперь? Может, окрепнув и возмужав, он потерял гибкость?

Огненная буря, разразившаяся над Ульями, сокрушила самых стойких и смелых. Жить как прежде не получалось, но васпы слишком закоснели в своих привычках и не желали признаваться в необходимости перемен.

Не желал и я.

Сейчас я наблюдаю, как ручейки сбегают по карнизам. Оконное стекло идет рябью, мир плывет перед глазами, и вместо знакомого двора вижу сырые стены каземата, а в шум ливня вплетается больной шепот:

– Это невозможно... Я не повторю прошлых ошибок... ни я, ни кто-то другой не станет создавать армию монстров. Даже если ты найдешь того, кто сломается... кто струсит... даже тогда вас уничтожат раньше...

Бью в живот. Торий дергается, захлебывается слюной. От него пахнет болезнью и потом. Лицо – сплошная гематома,

два ребра сломаны, руки кровоточат после попытки иглами. Но он все равно не ломается. Не ломается, этот жалкий книжный червь, которого я так ненавижу и который по глупости сунулся в сердце Дара. Для чего на этот раз?

– Мы оба платим... за свои ошибки, – продолжает бормотать он в бреду. Торий попал в мои руки уже изможденный, уже заболевший. Пришел один и без оружия, через тайгу и болота. Прямо в логово хищника. Такой глупый и нелогичный, такой человеческий поступок.

– Подумай, – хрипит он. – Сколькими васпами ты готов пожертвовать... во имя мести? Сотней? Тысячей?.. Несколькими тысячами? – он сплевывает кровавую слюну, смотрит через щелки заплывших век.

– Неважно, – равнодушно отзываюсь я. – Мертвым ничего не важно.

Мой голос безжизнен и глух. Сердце бьется ровно, будто оно механическое. Я и есть механизм. Мертвец, продолжающий жить вопреки биологическим законам. Отравив меня ядом, Королева не просто перекроила мою сущность. Она вложила в меня «код смерти».

– Это... можно изменить, – шепчет Торий. – Однажды вас обрekli на смерть... теперь я предлагаю жизнь.

Его слова шурупами вворачиваются в виски. Морщусь и бью снова. В живот. В лицо. Под ребра. Но не чувствую ничего. Ни опьянения, ни радости – лишь пронизывающий холод, лишь пустоту и тоску под сердцем.

Я – мертв. И Торий умрет тоже. Он мог бы создать армию послушных солдат, но предпочитает бормотать идеалистическую чушь, поэтому оставляю его в покое – истерзанного, истощенного и больного. Ближе к вечеру ему дадут горячий отвар: так он продержится еще одну ночь, а завтра я пушу в ход костедробилку. Возможно, тогда он будет поговорчивее.

Я знаю, зачем Торий вернулся в Дар. Здесь, на границе, в заброшенном Есене, люди развернули военную базу. Отсюда они ведут зачистку территории, выдавливают нас, как паразитов. Сюда свозят пленных, чтобы возобновить опыты.

Торий говорит, так дальше продолжаться не может. Он говорит, что многие ученые, задействованные в проекте, осознали: у васпов есть разум, они не сами выбрали такую судьбу. Они видели, что делают с пленными васпами, и во что они превращаются потом. Я тоже это знаю, я сам был подопытным зверем. Торий повторяет, что все можно изменить, и именно поэтому вернулся в Дар.

Ему не повезло лишь в том, что еще раньше туда вернулся я.

«Ты всегда возвращаешься», – сказала Нанна и оказалась права.

Улей – мой дом. Васпы – моя семья. Я предал их однажды, но предательство было во благо. Если бы задуманное осуществилось – осы, а не люди, стали бы хозяевами планеты. А кто мы теперь? Горстка затравленных хищников, обосновав-

шихся в последнем уцелевшем Улье недалеко от Есена.

Немудрено, что свалившийся на мою голову профессор стал последней надеждой. Немудрено, что я так разозлился, когда понял, что его планы кардинально отличаются от моих. И я не верил ему. Но кое-кто поверил.

Помню тот вечер, промозглый и сырой. Сквозь трещины Улья проступает влага, нижние ярусы вечно затоплены паводком. В таких условиях человеку легко подхватить воспаление легких. Именно об этом приходит поговорить со мной офицер Пол.

Он стоит в дверях, скрестив на груди руки. Квадратная челюсть лениво двигается туда-сюда, перегоняя из одного угла рта в другой длинную сосновую иголку.

– Там твой человечек помирает.

Пол выполняет работу военного врача. Он хороший боец, но когда на счету каждая особь, кто-то должен выполнять и эту работу.

– Его так просто не добьешь, – отмахиваюсь я.

Нас с Торием больше не связывает договор, и все равно кажется, что он перенял часть моей выносливости. Его стойкость пробуждает исследовательский интерес: насколько далеко я смогу зайти, прежде чем он сломается или умрет? К моему разочарованию выясняется – не столь далеко.

– У него жар, – все с тем же непробиваемым спокойствием продолжает Пол, и хвоинка в его рту перемещается влево. – Свернется белок.

– Продержится до завтра?

Пол пожимает плечами.

– Если дать передышку. Возможно. Или пристрелить.

Чтоб не мучился.

Быстрая смерть – милость.

Я не смотрю на него. Смотрю на свои руки: костяшки разбиты в кровь, пальцы подрагивают от напряжения, правую ладонь пересекает царапина – порезался, открывая ржавую дверь каземата. Если верить Нанне, по линиям на ладонях можно прочесть судьбу. Эта царапина – как новая линия жизни. Странная примета для того, кто много лет, как мертв.

– В Даре нет места милосердию, – медленно произношу я.

– Хорошо, – кивает Пол. Он не спорит и поворачивается, чтобы уйти. Но медлит в последний момент.

– Знаешь, – говорит он, – Я и комендант. Мы беседовали с ним. И кое в чем человек прав.

Такие слова неслыханная дерзость! Они словно удар по лицу. По моей репутации, говоря точнее. Если человек прав – значит, не прав я?

Вскидываю голову, пальцы против воли сжимаются в кулаки.

– Забываешься, Пол!

Но он только качает головой и продолжает, чуть повысив голос:

– Все плохо, Ян. Королева мертва. Мы истощены и устали. А этот человек пришел не убить. Он обещает помочь. Не

знаю, как ты. А я бы хотел хоть какого-то будущего.

Наши взгляды пересекаются. Лицо Пола спокойно, челюсти двигаются, разминая сосновую иголку. На моих скулах тоже двигаются желваки.

– Не знаю, какие у вас счеты. Но я почему-то верю ему, – Пол вытаскивает изо рта разжеванную иголку, смотрит на нее с прищуром. – Вчера я услышал одно слово. Я давно забыл его. Это слово – надежда, – Пол щелчком отбрасывает иголку в коридор и заканчивает тихо: – Оно приятно на вкус.

От его мечтательной улыбки сдавливает сердце. Словно меня, а не Тория, пытаются в сырых застенках Улья. Словно у меня, а не у Тория, тело охвачено лихорадкой. И все, что остыло, что спрессовалось в неподвижные льдины – начинает ломаться. Задерживаю дыхание и прижимаю кулак к груди. И ощущаю – бьется. Неритмично. Взволнованно. Не механическое – живое.

– Я поговорю с ним... снова.

Голос звучит издалека, пробиваясь через оболочку моей скорлупы.

– Без пыток? – уточняет Пол.

– Без.

– Тогда я приготовлю лекарство. За трое суток поставлю его на ноги, – говорит он, никак не комментируя мое решение. Разворачивается и уходит.

Я остаюсь в оледенелой келье и слышу, как с потолка капает вода – кап, кап... Так время отсчитывает секунды.

«Еще один день, – думаю я. – Что может изменить один день?»

И ошибаюсь.

Он меняет многое.

* * *

Вспоминает ли Торий время, проведенное в Улье? Если и вспоминает, то не показывает вида. Лишь однажды я спрашиваю, почему он решился на такой шаг. Почему пришел к васпам, зная, что его ждет.

– Почему? – повторяет Торий и ухмыляется болезненно, словно на какой-то миг возвращается в те страшные дни. – Да потому, что вы долбаные психи! Если б я повел себя иначе, разве ты послушал бы меня?

Больше на эту тему он не говорит. Торий все для себя решил и простил. Это дорогого стоит – простить своего врага. Чувствую к нему невольное уважение, потому что сам далеко не так великодушен. Но раскаиваюсь ли? Сложно сказать. Когда на тебе висит груз многих загубленных жизней, чьи-то отбитые почки кажутся сущими пустяками.

* * *

Сегодня Торий меняет деловой костюм на неброскую куртку и джинсы. Машину паркует в соседнем дворе: когда собираешься взламывать чужую квартиру, лучше не привлекать внимания.

– Умешь ты находить проблемы, – ворчит Торий, пока мы пересекаем двор, перепрыгивая через лужи. Ветер

гнет верхушки деревьев, забирается за пазуху, продувает насквозь. Торий чертыхается при каждом шаге – он уже ненавидит и погоду, и меня, и всех васпов вместе взятых.

– У меня на носу симпозиум, – ноет он. – Неотредактированная статья. Куча недоделанной работы! Вместо этого я потакаю твоей паранойе! И мало того – собираюсь нарушить закон!

– Справлюсь сам.

Торий фыркает.

– Ну да! Как же! Выпускать тебя одного – все равно, что бросать гранату без чеки. Где-то да рванет.

Расс переживает дождь под козырьком подъезда.

– Я ждал тебя одного, – говорит он.

Торий хмурится. Согласен: не лучшее приветствие для старых знакомых. Учитывая, что комендант был одним из первых, кто принял идеи профессора. Но я также понимаю, что Расс не хотел никого обидеть. В Ульях нас учили молчать, скрываться и лгать. Теперь же появилась возможность говорить открыто, и мы делаем это неуклюже, часто не понимая, что слова тоже ранят.

– Рад, что ты согласился помочь, Вик, – тем временем продолжает Расс. – Помощь человека пригодится.

– У меня долг перед Полом, – отвечает Торий. – В его смерти есть и моя вина. Наверное, я обещал слишком многое тогда...

– Пол не из тех, кто ломается быстро, – перебивает Расс. –

Его убили.

– Хорошо, – сухо говорит профессор. – Давайте выясним это. К двум мне надо вернуться на работу.

И первым заходит в подъезд.

Дому давно требуется ремонт: штукатурка облуплена, стены исписаны, на лестнице стоит резкий запах. Торий морщит нос и закрывается рукавом. А я думаю, что даже такие условия гораздо лучше, чем холодные казематы Улья, где с потолка капает вода, от сырости стены покрываются черным налетом, а ночную тишь то и дело разрывает тоскливый вой сирены.

Каморка у вахтера немногим больше, чем у Расса. Мы едва умещаемся там втроем. А сам вахтер – сухой старичок, закутанный в ватник.

– Как здоровье, дед? – спрашивает Расс. – Хвораешь?

– Как не хворать, – охотно отвечает вахтер, кашляет, утирает распухший нос. – Сырость-то вон какая. Непогода. Хороший хозяин собаку на улицу не гонит. Только вы ходите...

– Не ходили бы, коль не нужда, – комендант ставит на стол бутылку спирта. – Поправься вот.

Глаза вахтера поблескивают из-под кустистых бровей. Он улыбается, отчего борода раздвигается в стороны, и морщины лучами разбегаются по темному лицу.

– А за это хорошо, за это спасибо! – радуется старик, и на столе тут же появляются запыленные стаканы со следами прошлых попоек. – Изнутри оно греться куда полезней да

приятнее. Вот и закусточка, чем бог послал.

Старик выкладывает шмат сала и полкраюшки хлеба. Сглатываю слюну – последние дни я перебивался кое-как, поэтому смотрю не на стол, а в угол, заросший паутиной.

– Некогда нам.

Старик кряхтит и вздыхает.

– Все-то вы, молодежь, бегаєте. Все торопитесь. Неужто по лесам не набегались? Так вся жизнь в беготне и пройдет.

Он шаркает в сторону шкафа. За стеклом на крючках висят связки ключей. Дед роется в них, перебирая сухими пальцами. Ключи звякают, словно ржавые колокольчики.

– Я в свое время тоже набегался, – продолжает он. – Да только к чему пришел? Ни угла своего нет, ни помощи. А умру – дай бог, чтобы похоронили по-человечески. А то кинут в яму, как собаку бездомную.

Он, наконец, снимает связку и протягивает мне, а не Рассу. Беру ее бережно, как полгода назад брал ключи от собственной квартиры.

– А что, дед, – говорит Расс. – Ты прав. Пусть они идут, а я с тобой останусь. Помянем боевого товарища.

Он садится к столу и подмигивает нам. Я понимаю без слов, Расс не зря остается на вахте и в случае опасности задержит любопытных и подаст сигнал.

– Вот это правильно, вот это по-нашему, – тем временем подхватывает дед и разливает по стопкам резко пахнущую жидкость. – Ваш товарищ тоже правильным мужиком был.

Коли видел, что хвораю, всегда в аптеку за лекарствами сходит, всегда вещи донесет. Еще и смеется, бывало. Мол, ты, дед, не прикидывайся! Какой же ты больной? Ты еще меня переживешь! – он вздыхает, смотрит в рюмку. – Вот и пережил его, соколика.

Я вспоминаю, как Пол бежал через деревню, и пули взметали под его ногами пылевые фонтанчики. Вспоминаю, как он поворачивался лицом к надвигавшемуся на него бронетранспортеру и ждал, пока расстояние между ними не сократится до броска гранаты – спокойно, по привычке пережевывая сорванную иголку. Словно бросал вызов смерти, смеялся над ней.

А потом вспоминаю шею, стянутую ремнем.

Смерть не любит игр. Пощадив Пола в бою, она настигла его в однокомнатной квартире, в доме, подлежащем сносу.

Старик залпом выпивает рюмку. Морщится, утирает выступившие слезы рукавом. Смотрит на нас сквозь нависшие кущи бровей.

– Эх, горемычные, – тянет он. – Ведь вы мне в сыновья годитесь, а глаза стариковские. Да и горя нахлебались – врагу не пожелаешь. Разукрашены, как в мясорубке побывали. Только ты, чернявенький, – поворачивается к профессору, – еще на человека похож. Бабы-то, поди, тебя любят?

Торий, молчавший все это время, отступает в коридор и шипит:

– Пойдем уже!

Я выхожу следом, а в спину несется протяжное:

– Э-эх! И кто вас нелюдями окрестил? Души живые, грешные: так же жрать хотят, так же баб любят. Ну, налил, что ли? Ну, так с Богом!

Мы поднимаемся на второй этаж. Правая дверь – выкрашенная коричневой краской, – дверь Пола. Пока я вожусь с замком, Торий маячит у перил, то и дело беспокойно заглядывает в пролет. Замок поддается не сразу, но все-таки я выхожу победителем, и дверь распаивается.

Тишина и запустение. Сладковатый запах, пропитавший мебель – запах васпы. Или мертвеца. Что в нашем случае почти одно и то же. Торий осматривается с опаской. Аккуратно прикрывает за собой дверь – он предусмотрительно надел резиновые перчатки, но все равно следы, оставляемые в пыли, расскажут, что в квартире были посторонние.

– Здесь его нашли, – говорю я и останавливаюсь перед дверью в ванную.

Тени ложатся на ручку, будто отметины от ремня. Стены выложены кафелем. Раковина в потеках ржавчины.

– Осмотришь ванную и кухню, – говорю Торию.

Профессор скисает.

– Почему не спальню?

– Если тебе нравится копаться в чужих носках, можем поменяться. И не забудь про ящик с трусами.

– Я осмотрю здесь, – поспешно произносит Торий.

Едва сдерживаю улыбку. Людьюми легко манипулировать.

Торием – особенно.

– Если найдешь порножурналы, – доносится мне вслед, – не утаивай от меня. Это может пролить свет на увлечения Пола.

Притормаживаю на полпути, оборачиваюсь, чтобы ответить на шпильку. Но Торий уже как ни в чем не бывало роется в шкафчике с лекарствами.

Комната Пола обставлена скудно. Шкаф для вещей, кровать, стол и пара стульев. Из окна видна улица. Прохожих почти нет: прав старик, в такую погоду и собаку на улицу не выгонят. К окну я близко не подхожу, мало ли кому взбредет в голову глянуть наверх.

Сначала осматриваю письменный стол и книжные полки. Там ничего нет, кроме старых инструкций, автомобильных схем и технической литературы. Я тщательно пролистываю каждую книгу, каждый блокнот, но не нахожу ничего. Работа есть работа. Точно также у меня лежат журналы по биологии и химии, некоторые даже с автографом Тория. Единственное, что заинтересовывает меня – записная книжка. Скачущим мелким почерком Пола туда занесены имена и телефоны клиентов и работников станции техобслуживания. Кладу ее в карман. Никаких предсмертных записок нет. Никаких следов борьбы. Разве что на протертом линолеуме чернеют следы, оставленные чьими-то подошвами.

Быстро осматриваю кровать – она заправлена аккуратно, по-военному, как учили в Даре. Постельное белье не новое,

но чистое. Металлическая сетка чуть провисает. Сюда нечего спрятать. Остается шкаф.

Вещей у Пола немного. Отодвигаю рубашки, свитера, потертую кожаную куртку с чужого плеча. И вздрагиваю, натываясь на гладкий металл пряжек.

Преторианский китель.

В полумраке ткань кажется не красной, а скорее черной, поперечные погоны поблескивают тускло и безжизненно. Точно такой же мундир висит у меня и у всех выживших преторианцев.

– Зачем тебе это? – спросил однажды Торий. – Это ведь напоминание о прошлой жизни. Обо всем, что творилось в Даре. О страданиях и смерти. Вы действительно хотите оставить себе такую память?

Тогда я не знал, что ответить. Но теперь знаю: да, действительно хочу.

Начав новую жизнь, я приняла свое прошлое со всей грязью, неприглядностью и всеми ошибками, и не хочу повторить их снова. К тому же форма – единственная личная вещь, разрешенная в Даре. Мы храним ее так же, как люди хранят старые фотографии.

Я провожу ладонью по ткани. На ощупь она кажется грубой. Справа подкладка слишком жесткая и похрустывает от прикосновения. Нащупываю прореху и достаю тетрадь в темно-зеленой выцветшей обложке. Она исписана знакомым мелким почерком. Вот то, что я искал и что может пролить

свет на смерть Пола. Его дневник.

– Нашел что-нибудь? – слышится из коридора.

Едва успеваю засунуть тетрадь за пазуху и захлопнуть шкаф, как заходит Торий.

– Ничего, – ответ срывается с языка раньше, чем я успеваю решить, говорить ли правду.

– Я тоже! – нервно бросает Торий, но вдруг замолкает и настораживается. В коридоре раздаются шаги. Дверь квартиры распахивается, и слышится голос старика:

– Говорю же, пани Новак! Квартира закрыта, мало ли, какая дрянь завелась. Как ночь – так шорохи.

– Это с пьяных глаз у тебя шорохи! – вторит другой голос, грудной и женский. – Я тебя, хрыча старого, на груди пригрела! Угол выделила! А ты казенное имущество разбазариваешь?

– Да какое имущество у нежити! Сказано: крыс травим. Я сам не справляюсь. Мышеловки ставил – приманку едят, а сами не попадают. Здоровушие!

В дверной проем, как танк на амбразуры, вваливается породная и статная женщина. Следом за ней семенит вахтер, едва достающий ей до подбородка.

– Да вот, извольте сами видеть, – юлит старик, подмигивает нам слезящимся глазом. – Это, значит, ребята из службы дезинфекции. А это пани Новак, председательница домового комитета. Благодетельница наша и светоч.

Старик картинно кланяется. Женщина встает посреди

комнаты, упирая руки в боки. Торий отступает и косится по сторонам, высматривая пути к отступлению.

– Крысы, говорите, травите? – спрашивает пани Новак хорошо поставленным командным тоном.

– Только что на кухне отраву разложил, – подает голос Торий. – А мой коллега спальню обработал. Закончил, что ли?

Это он ко мне. Я киваю:

– Закончил.

– Вот и отлично! – Торий тянет меня за рукав, делает шаг к двери. Но уйти нам не дают. Пани Новак закрывает проход и гудит:

– А ну, стоять! Откуда мне знать, что вы действительно из конторы?

– Стал бы я чужакам ключи выдавать! – фыркает дед, но пани Новак только отмахивается.

– Так вы туда позвоните, – говорит Торий и диктует телефон своего кабинета. – Спросите Виктора. Начальник наш. Он нам спуску не дает, за каждый грамм отчитываемся. А на вашу квартиру почти все израсходовали. Вы бы ремонт сделали, что ли. Тут не только крысы – тараканы расплодятся.

В коридоре раздаются новые шаги. В квартиру влетает Расс. Он улыбается во весь рот, оповещает громко:

– Поймал!

И за хвосты поднимает трофей: в каждой руке – по дохлой крысе.

Пани Новак визжит, отскакивает к стене, едва не сносит на своем пути шкаф. Доски пола ходят ходуном.

– Убери! Убери, Бога ради! – кричит она и вжимается в стену.

Расс обиженно смотрит на одну крысу, потом на другую и произносит:

– Работа такая. Велено поймать.

– Ну, поймал – так и выбрось! – стонет пани Новак. – Там, за домом, мусорные баки. Туда их! Что под нос людям суешь?

– Как пожелаете, пани, – послушно говорит Расс и, размеренно ступая, выходит из квартиры.

Женщина тяжело дышит, смахивает со лба прилипшие пряди.

– Экая дрянь на свете водится, – всхлипывает она и обращается к нам. – Мальчики, вы бы на следующей неделе тоже пришли? Вдруг где-то их выводок прячется.

– Придем, – обещает Торий. – Только нам на другой объект пора.

– Идите, мальчики, идите! – голос пани Новак теплеет.

Мы раскланиваемся, проходим мимо вахтера, который улыбается нам сквозь запущенную бороду. Я сдаю ему ключи – держать их у себя незачем, а если понадобится, в этом доме мы теперь желанные гости.

Пани Новак провожает до порога. На прощанье, как бы невзначай, касается ладони Тория. Тот смущенно отдергива-

ет руку, а она смеется:

– Ох, и дикарь! А ведь смазливый. Даже жаль, что нелюдь.

Весь последующий день я пребываю в хорошем настроении.

Во-первых, у меня записная книжка и дневник Пола. Во-вторых, я до конца рабочей смены подкалываю Тория вопросами о свидании с председательницей домового комитета.

* * *

И еще одна хорошая новость – последняя за день, но не последняя по значению. Наконец-то выдают жалованье.

Часть я сразу откладываю на оплату коммунальных услуг, а на другую можно запастись едой. Нужно купить круп, и хлеба, и котлет, и молока, и сахара. И, пожалуй, сегодня я все-таки побалую себя и возьму пирожное в белой глазури и цукатах, что лежит на самом видном месте в витрине кондитерской. Потому что когда у тебя есть пирожное – любой дождливый день становится немного светлее.

Ночь с 8 на 9 апреля

«Дневник успеха» – значит на обложке.

На первой странице распорядок дня – стандартный график, составленный терапевтом с учетом подъема, рабочего времени и времени отдыха. В центре у меня был такой же. Но, по-видимому, Пол не очень-то придерживался графика: записи не разбиты по часам, а изложены хаотично. И чем дальше, тем больше прослеживается неряшливость. Сам я не выношу небрежности, а у Пола – то помарки, то выданные страницы. Все же надеюсь, что записи смогут пролить свет на его жизнь и – что более важно, – на его смерть.

Дневник Пола

* * *

Завел новый дневник.

Доктор сказал новая работа – новый график и новый дневник.

Спал хорошо. Утром чувствую лучше, чем ночью. Плохих мыслей нет, но состояние странное. Может волнение перед работой?? Как примут?

* * *

В отделе по надзору человек спросил, кем я хочу быть. Ответил, что врачом. Спросил, что я умею? Я все умею! В улье я делал операции. Инфекции тоже лечил и людей тоже. Люди не отличаются от васпов, только болеют чаще. Значит, я всегда найду работу. Я поделился своими мыслями, что тело это то же самое, что механизм. Механизм ржавеет, а тело болеет. Когда устраняешь неполадки, механизм снова приходит в рабочее состояние. Разве нет? Это логично. А человек почему-то смеялся. Он сказал, чтобы я пока тренировался на технике, а не на людях. Поэтому я буду работать авто-механиком. Я сказал ладно. И меня отвезли на станцию тех обслуживания.

Начальника зовут Вацлав. Имя не длинное, легко запомнить.

Мужик серьезный. Но принял хорошо. Даже пожал руку,

и я пожал. Всюду меня водил и все показывал. Со мной будут работать еще два человека. Они здесь давно. Вацлав сказал, что правильные мужики.

Сработаемся – ??

* * *

Встречался с Рассом. Он работает дворником. Много смеялись. Я спросил, как ему? Он сказал, это лучше, чем на войне. Я с ним согласен. Но иногда пугает состояние пустоты. Дни похожи один на другой. Доктор сказал это пройдет, тем более я пошел на работу. Я стараюсь много гулять. Делаю спортивные упражнения. Это отвлекает.

Расс сказал, надо заниматься творчеством. Как нам показывали в центре. Он сочиняет стихи! Читал мне. Я смеялся и ничего не запомнил.

Расс уверен не все потеряно. Самый тяжелый период прошел. Теперь все будет хорошо.

* * *

Подъем в 7-30.

Долго не мог заснуть. Думал. Полночи ходил. Под утро спал хорошо и крепко. Утром настрой хороший. Зарядку забыл!! Ничего. Спорт вечером.

На работе мне дали порулить!! Здорово!

Не знал, что так соскучился по технике. Это как будто я снова вернулся в улей, когда был еще рядовым. Мне нравится ехать по дороге и нравится скорость. Я только не знаю правил. Рядом сидел мой новый друг Борис и подсказывал.

Мы много говорили.

Он сказал, что у него жена и сын. Он спросил, есть ли у кого-то из нас семья. Я ответил, что конечно нет. Он спросил, не расстроил меня этим вопросом? А я удивился. Удивляться я умею. Расстраиваться нет. Обида и жалость это разрушающие чувства. Так нам говорили в центре. Сказали, что надо думать по-зи-тивно. Если в моей жизни чего-то нет или не было, то может будет когда нибудь. Для чего же еще мы согласились на переход?

Борис спросил, хочу ли я семью. Я сказал, наверное. Но я не знаю, что это такое, поэтому не могу судить. Когда не с чем сравнить, как можешь сказать хочешь ты этого или нет?? Борис смеялся. Я чувствовал себя неловко. Попробую описать. Это такое чувство, когда внутри что-то сжимается и думаешь, наверное ты ляпнул глупость. И лучше бы вообще молчал. Все, что я говорю людям, почему-то вызывает смех. Доктор сказал записывать это в дневник. Так я смогу проследить, что делаю правильно, а что нет. И все равно нужно говорить все, что думаешь. Потому что если держать в себе и молчать, то как я смогу жить в обществе людей?? Надо учиться открываться, так он сказал. И я стараюсь.

* * *

Доктор сказал записывать сны. Особенно которые запомнятся. Плохие и хорошие. Плохие для того, чтобы потом над ними работать. Хорошие... я не помню для чего. Доктор говорит иногда слишком умно. Иногда я не понимаю его и не

запоминаю длинные слова. Вот Ян бы точно его понял. Он дольше всех общался с людьми и дружит с ученым. С тем, который пришел в Дар и предложил план перехода. Мы его пытали, потому что долго не верили. Теперь я горжусь, что спас его, а то Ян бы точно его убил. Ян вообще немного ку-ку и всегда был таким, особенно после того, как люди ставили над ним опыты и превратили в зверя. Зато теперь он самый умный из васпов. С этим ученым они чем-то похожи. Оба считают себя немного выше других. Мы с Рассом смеемся и шутим над ним ииногда. Но конечно не зло, потому что зачем злить своего командира? Когда увижу Яна, не забыть спросить бы его, что такое интро-верт.

Доктор сказал что васпы интро-верты и надо быть более... креа-тивными в общении – ??

Почему люди так любят непонятные слова?!

* * *

Сегодня приснился плохой сон. Как будто я снова на войне. Вокруг взрывы. Я бегу по просеке. А впереди стоит человек. Он повернут ко мне спиной. Я достаю маузер, чтобы его застрелить. Тогда он поворачивается лицом. И я вижу, что он похож на меня. Но я понимаю, что он мертв. Он весь в грязи. В волосах черви. Становится страшно. Как я могу убить себя мертвого? Я не могу выстрелить. А он достает нож и вонзает его мне в шею. Чувствую боль. Запах крови.

Когда проснулся, шея затекла. Снится всякая чушь. Еще у меня заканчивается запас лекарств. Надо сходить к доктору

и взять новые. Прием назначен на завтра.

Конечно, из-за сна настроение ухудшилось. Чувствую подавленность и пустоту. Хорошо, что я теперь работаю. На работе отвлекаюсь. Думать о пустяках некогда.

Познакомился с другим мастером, его зовут Аран. Он из Загорья, но давно живет в Южноуделье. А еще говорит с акцентом. Он сказал, что у меня тоже акцент, но другой. Как у тех, кто долго жил на севере. Спросил, как меня звали раньше до того как я стал васпой. А разве я помню?? Сказал ему, что это уже неважно. Надо принимать себя тем, кто ты есть. Исправлять ошибки. Развивать личность. Этого слова я тоже не знал раньше. Но теперь знаю. Оно мне нравится.

* * *

Устал. Весь день помогал Борису разбирать машину на детали. Не понял для чего. Машина новая. Пробег небольшой. Логика?

* * *

Сегодня отличный день!

На ремонт приехала красивая девушка на спортивной красной машине. Интересно, почему здешние девушки так любят красные машины?? Я спросил у Бориса, а он снова посмеялся и сказал что это мода такая, потому что у куриц мозги одинаково устроены. Но девушке он этого не сказал, а улыбался и подмигивал. Ей покрасили крыло. Машине конечно, а не девушке! У девушки тоже крашенные волосы в светлый цвет. А кожа загорелая. Очень красивая. Я люблю-

вался ей пока помогал Борису красить крыло. Девушка заплатила сразу. А когда уезжала, улыбнулась и сказала спасибо. Самое удивительное, что она улыбнулась мне!! И сказала спасибо тоже мне! Что я тогда почувствовал... радость! Вот и Борис сказал, что я нравлюсь женщинам, значит не все потеряно. Сказал, что надо познакомить меня с хорошей цыпой. Так он называет всех красивых девушек.

* * *

К доктору я не ходил.

Борис и Аран пили конь-як и меня позвали. Кажется, их удивило, что я тоже пил вместе с ними. Они думали мы совсем монахи. Но если я пью коньяк и нравлюсь цыпам то настоящий мужик, как и они. И что мне можно доверять и взять в долю. Так они сказали. Я сказал, что не против лишних денег. Тогда они переглянулись и сказали – ну тогда решено!

А потом спросили, были у меня женщины? Я ответил конечно были. Они спросили когда я стал мужчиной? Я сказал что если прикинуть по человеческим меркам, то примерно лет в пятнадцать во втором своем рейде. Они снова переглянулись и снова сказали, что я мужик и что они меня уважают. Потом спросили, что стало с моей первой цыпой. Я ответил, что убил ее потому что так велел мой наставник. Зря это сказал, потому что это напугало их. Их лица изменились и забегали глаза и я почувствовал их страх. Знакомая реакция. Я вовсе не хотел пугать своих новых друзей. Может я

зря это сказал?? Но почему я должен умалчивать? Доктор говорил, чтобы я был искренним. Все знают, кем мы были до перехода. А теперь все изменилось и я не хочу больше, чтобы люди испытывали передо мной страх. Я сказал им не надо бояться!

Тогда Борис спросил, влюблялся я когда-нибудь? Я ответил, нет и не хочу говорить об этом, потому что не хочу чтобы они боялись меня или осуждали меня. То время было не правильным и страшным. Это как будто я был болен тогда. А ведь больных не осуждают?

* * *

Мне дали аванс. Очень приятно получить свои первые заработанные деньги. В центре мы тоже работали и нам тоже давали немного на расходы, чтобы мы учились распоряжаться деньгами. Но это не то. Когда живешь самостоятельно и получаешь деньги и сам можешь их тратить на что захочешь, это приобретает совершенно другой вкус.

* * *

Ходил к шлю...*(вымарано)* Заре.

Наверное, нельзя так грубо называть женщин, лучше звать их цыпами как Борис. Даже если женщины продажные. В этом мире каждый зарабатывает, чем может или чем ему нравится.

Зара мне нравится. Она не так красива как та цыпа на красной спортивной машине. Но она добрая и не боится меня. Есть несколько шл...*(вымарано)* девушек, которые не

боятся васпов и с ними можно провести час или два или несколько часов на сколько хватит денег.

Раньше я боялся, что сорвусь и что смогу убить, но я не часто убивал своих любовниц. Некоторые убивали, но мне чтобы кончить не нужно видеть кровь.

Я хорошо провел время. Конечно, я был пьяный и у меня не сразу получилось, но Зара мне помогла и я ей очень благодарен. Я спросил ее не против она будет если я всегда буду звать ее? Она засмеялась и сказала что не против. Она сказала, что ей интересно с нами. Мы как подростки которые первый раз попробовали женщину. Наверное так и есть потому что сейчас я совсем по другому стараюсь обращаться с женщинами. Еще Зара сказала, что я совсем не умею целоваться, но ей интересно. Я ей интересен! Слышать это приятно.

Еще она назвала меня хороший милый мальчик!

Когда вспоминаю эти слова я почему то улыбаюсь.

* * *

Расс говорит, что тоже ходит к этим девушкам. Чтобы я не волновался. Все ходят. Потому что не каждая девушка добровольно захочет спать с васпой. Ну да. Я знаю. Мы неприятны людям, но когда-нибудь это изменится. Если такие девушки как Зара и такие мужчины как Борис, Аран и Вацлав будут общаться с нами как с равными, то все изменится очень скоро.

* * *

Да!!

Как я мог забыть?

Сходить к доктору.

Таблетки кончились, и я боюсь что нехорошие сны начнут сниться мне снова.

* * *

Сегодня мы с доктором хорошо поработали. Пло-до-твор-но, как он сказал. Я пытался вспомнить свою прошлую жизнь. Не ту которая осталась в Даре. А ту которая была до него.

Я не вспомнил лиц своих родителей. Мало кто из вас пов помнит. Зато вспомнил как мужчина надевает белый халат и подходит к женщине. Целует ее и говорит – скоро вернусь дорогая вызов не сложный! А потом подходит ко мне и щелкает по носу и говорит, ну что ты скис, герой?? А я отвечаю ему, но ведь на улице метель! А в метели ходят страшные чудовища. А он смеется и все равно уходит. Зря он так делает, конечно. Чудовища все-таки приходят и забирают его и меня в белую пустоту. Последняя картинка, что я помню это белый халат с темными разводами. Наверное кровь. Что стало с женщиной не помню вовсе. Ее стерли из моей головы как ластиком. Нет образа, одна только тень.

Когда я вспомнил, то почувствовал острую боль в груди. Доктор заволновался и дал мне лекарства. Налил сладкий чай и дал печенье. Я сказал ему не волноваться. Я не заболел, просто стало очень грустно.

Доктор сказал, что понимает почему я хочу стать врачом. Видимо мой отец был сельским фельдше-ром или что-то вроде того. Что это якобы мой долг перед умершими родителями. Чушь. Какие долги могут быть перед мертвыми? Я-то жив. В центре сказали, что мы теперь можем сами выбирать свою судьбу. И я выбираю. Я сам а не мертвые призраки, которых я даже не помню.

Я все это сказал доктору. Он снова поулыбался и выписал мне лекарства. Спросил как дела у меня на работе. Я ответил, очень хорошо. Подружился с мастерами и разговаривали о цыпах. Доктор заулыбался снова и сказал, что я двигаюсь в правильном направлении.

Кто бы сомневался! Ведь это я первым решил попробовать поверить тому ученому.

Почему я поверил?

Надоело быть мертвым. Я захотел жить.

* * *

Настроение не очень. Не могу точно описать, что чувствую. Наверное, смятение. И непонимание.

Пришел на работу, а в мастерской красивая красная спортивная машина. Я думал, вернулась загорелая цыпа и обрадовался. Но никакой цыпы не было. И номеров на машине тоже не было. Вацлав сказал, что заказ поступил поздно вечером, когда мы все уже ушли и надо отремонтировать машину. Я не понял, что там ремонтировать но Вацлав сказал что работа предстоит очень большая, но его ребята справят-

ся а я свободен на весь день. Мне не понравились эти слова. Что значит его ребята? А я получается не его мастер? Почему такое недоверие, спросил я. Вацлав усмехнулся и сказал что у меня еще все впереди.

Я доделал свои дела и отправился домой. Правда, когда выходил из мастерской увидел номер, который лежал спрятанный за верстак. У меня хорошая память на цифры. Точно помню, что такие были на машине красивой цыпы.

Значит все таки она?

Я немного огорчился, что меня отправили домой. Вдруг она приедет забирать заказ и я ее больше не увижу. А мне бы хотелось.

* * *

Я рад, что у меня появились друзья среди людей.

Кроме Рассы и еще нескольких офицеров я ни с кем не общался.

Васпов выжило не так много. А преторианцев и того меньше. Ученый который дружит с Яном шутит, что мы вымирающий вид и что нас нужно занести в какую-то книгу. А мы и правда вымирающий вид. Преторианцы были слишком связаны с королевой и когда улы начали бомбить защищали в первую очередь ее и гибли первыми. Солдат осталось больше, но они не общаются с нами потому что все еще боятся. Хотя мы и стараемся наладить дружеские отношения, трудно перестать бояться того кто издевался над ними долгие годы. В человеческом мире бывает, что подчиненные тоже боятся

своих начальников.

Когда мы встречаемся с Рассом, то вспоминаем жизнь в Даре и вспоминаем как начался переход. Он просит рассказать, как удалось выжить мне хотя слышал эту историю тысячу раз. Все равно слушает.

Когда ульи начали бомбить, я отбивал атаку людей. Моего пилота убили, я взял управление вертолетом на себя. Горжусь тем, что уничтожил два бронетранспортера. А потом убили королеву.

Когда она умерла у меня случился припадок как и у всех преторианцев и я потерял управление. Мой вертолет отнесло и бросило в чащу. Васы живучие. Хотя мне было очень хреново из-за смерти королевы и от полученных ожогов я выжил и смог найти таких же выживших. А потом мы устроили базу в единственном оставшемся улье на северной границе. Комендантом улья был Расс. Так мы подружились.

Расса не так сильно затронула смерть королевы. Но он сказал что уже тогда понял что жить по прежнему не получится. Надо было искать выход. Но какой?

Кто бы мог подумать, что решение придет от людей?

* * *

Помогал деду купить лекарства в аптеке. Дед это наш вахтер. Он немного похож на васпов, потому что у него тоже нет семьи и имени нет. Вместо имени его так и зовут дед. А он называет меня сынок. Спрашивал сколько мне лет. Я сказал, что насчитал примерно тридцать два года. Он сказал, что я

молодой еще. Для меня странно знать, что у людей такой возраст считается молодостью. Для васпов это почти старость и если бы меня не убили в бою и не случилось перехода, то лет через семь-восемь меня бы отправили на утилизацию. Васпы не живут долго. Когда я это рассказал деду он засмеялся и сказал что у меня теперь появился шанс узнать, что такое старость. Интересно стареют ли васпы так же как люди? А если состарюсь я? Что тогда будет? Я никогда не задавался этим вопросом. В одном дед прав мы действительно получили второй шанс.

* * *

Странное состояние. Неприятное. Чувствую опустошение. А еще растерянность. Так называют это люди когда случается что-то не привычное и они не знают что им делать дальше и как поступить.

В мастерской вместо красной спортивной машины стояла черная. У нее были другие номера. Но я готов поклясться, что это та самая вчерашняя и на которой приезжала цыпа!! Зачем ей нужно перекрашивать машину? Красный цвет так хорошо сочетался с ее загорелой кожей и светлыми волосами. Я спросил об этом у Бориса. Он ответил, что это другая. Ага, как же! На технику у меня наметанный взгляд. И как оказалось я был прав.

Вот что произошло потом.

Потом Борис куда-то уехал и я остался в мастерской один когда приехала полиция.

Двое людей зашли и спросили кто тут хозяин. Я сказал, хозяин Вацлав и я его позову, потому что он обедает. Люди сказали не надо и спросили, чья это машина. Я подозревал, что это машина цыпы. Но не был уверен и поэтому ответил, что не знаю. Я только работаю с тем, что мне дает Вацлав. Тогда они попросили документы на машину. А я и не знал где документы. Я только мастер. Все документы у Вацлава. Они прошли по мастерской и увидели на верстаке пакет и спросили, не это ли документы на машину. Я ответил, что не знаю но они все равно взяли и стали смотреть а потом сказали мне открыть у машины капот.

Я догадался, что могут быть проблемы. Сказал, без указаний начальника не могу ничего сделать и это рассердило их. Подождем, сказали полицейские. Мне не понравился их тон. Он был угрожающим. А я чувствую угрозу когда слышу ее и не люблю когда угрожают мне или моим друзьям.

Вацлав пришел очень быстро и я увидел что он очень волнуется. У него лицо побелело хотя он держался довольно хорошо для человека и пытался спрятать свои эмоции. Я его зауважал.

Да! Вацлав испугался и мне не понравился тон полицейских.

Думаю поэтому я ответил им первое что пришло в голову. Я ответил им, что капот заедает поэтому должен чинить машину а не разговаривать с ними. Разве мы в чем-то виноваты спросил я??

Тогда Вацлав взял себя в руки и сказал, что может все уладить. Он сказал полицейским, может мы договоримся? Полицейские переглянулись и сказали, может. Потом они куда-то ушли.

А я все-таки открыл капот. Внутри она оказалась красная. Мне это не понравилось. Очень не понравилось. Не понравилось с того момента как я увидел машину вчера и когда приехали полицейские и когда Вацлав испугался. Если ты чего-то боишься значит виноват.

Потом Вацлав позвал меня в свой кабинет.

Когда я пришел к нему сразу спросил с порога. Спросил, это машина цыпы?? Вацлав ответил, да. Но чтобы я никому не говорил. Я спросил, почему? Что это такое? Вацлав ответил, что мне не понять. Потому что я васпа и живу один. У меня нет семьи, нет жены и детей и старых родителей и мне некого кормить. Вацлав сказал, что выручка у него не большая. А у цыпы может быть куча тачек на каждый день всех цветов радуги под цвет сумочек и ее нижнего белья. Что вместо одной ей еще две купят.

Мне не понравилось что Вацлав говорил о цыпе с пренебрежением. Я так и сказал. А Вацлав ответил, что я наивный дурак. Цыпа это та же Зара только гораздо дороже и у нее наверняка есть тот, кто ей платит за любовь и покупает машины. Сказал, чтобы я не волновался и махнул на это рукой. А еще Вацлав сказал, что с этого они имеют хорошие деньги. Тебе и не снилось, сказал он. И если я буду держать язык

за зубами он возьмет меня в долю потому что я мужик правильный и хороший мастер.

Вацлав дал мне время подумать.

И вот я думаю...

Не знаю что делать. Возможно надо позвонить доктору и спросить его?? Но тогда получается я предам своих новых друзей??

Я чувствую, они делают что-то не правильное. Это воровство. Но если они берут вещи у тех, у кого таких вещей и так много? Помогают другим у кого денег нету и кормят свою семью??

А мне тоже нужны деньги. В мире людей все нужно покупать. И если красивая цыпа продает свою любовь, то если у меня будет достаточно денег я смогу купить и ее?

* * *

В общем я не стал ничего говорить доктору. А Вацлаву сказал, что я не сдам его потому что не предаю своих друзей. И он обещал мне деньги. А деньги мне нужны. Что ж я до поры до времени могу молчать. Васпы умеют извлекать из любой ситуации пользу.

Наверное эту запись надо затереть? Но ее и так никто не увидит, потому что я хорошо прячу дневник. Никто не догадается где. По крайней мере не люди. А васпы... перед своими мне нечего скрывать.

* * *

В этот день мои сомнения развеялись. Вацлав и Борис и

Аран действительно мои хорошие друзья.

Все началось с того что возле мастерской я увидел странного типа.

Я сразу распознаю странных типов, потому что от них обычно пахнет страхом и ненавистью и они слоняются без дела и посматривают на тебя косо как-будто готовы вытащить пистолет и выстрелить тебе в голову. Но я подумал мало ли странных типов гуляет в столице Южно-уделья? Я подумал, где эти полицейские когда они так нужны?

Странный тип подождал пока я зайду в мастерскую и зашел за мной следом. Тогда я спросил его, в чем дело?? Может он ищет кого-то из мастеров?

А тип улыбнулся не здоровой улыбкой и сказал, я ищу тебя, тварь!!

Потом он действительно вытащил пистолет и выстрелил!! Но я же васпа слава королеве!! Я просек его намерение сразу и успел отклониться. Что же ты делаешь ублюдок?? Сказал я! А он ответил, я принес тебе смерть!

Он приготовился стрелять снова, и я прыгнул на него и ударил в челюсть!! Я вывернул ему руку и выбил пистолет! Не знаю как еще не сломал его руку я очень сильно схватил его!! Я почувствовал тогда возмущение и злость. И еще этот... адре-на-лин! Я ударил его снова и снова!! Наверное мог бы убить его... не знаю!! Его спасли мои друзья.

На самом деле я конечно думаю что они спасли меня. От убийства. И я так благодарен им за это.

Они отбили странного типа и тоже навешали ему! Но не так сильно как я. Они прогнали его и сказали, чтобы он больше тут не появлялся и не трогал честных людей!!

Людей! Это они про меня?? Ничего себе!!

Они сказали, что вызовут полицию или так его отму..(вымарано) что он всю жизнь будет на лекарства работать!!

Это насмешило меня, и я смеялся вместе с моими друзьями!

Пойдем выпьем сказал мне потом Борис. Он сказал что это наверное кто то из фанатиков си вай. И сказал, что если еще кто то из них сунется сюда они застрелят его сами!

Я сказал, не надо. Не нужно убийств тем более ради меня!!

* * *

Об этом случае я рассказал доктору.

Он спросил, может это кто-то из моей прошлой жизни?

Нет, сказал я сначала. Я не знаю таких. Странный тип выглядел болезненно и был одет как бродяга.

Доктор все же попросил вспомнить. Он снова применил на мне технику... не помню названия. Он считал до десяти и махал перед глазами чем-то светящимся и погрузил меня в сон. На самом деле я конечно знал что сижу в кабинете у доктора и что он рядом и видел его перед собой. Но я так же видел и другое. Я видел время, когда совершал набеги на деревни. И видел горящую избу, где я запер одного человека. Я не помнил его лица и только слышал его крики когда он

горел заживо. И еще я знал почему сжег его. До этого я изнасиловал его жену и убил ее. Парня я избил но он все равно плакал и просил отпустить их потому что они молодожены и отдыхают в свой сладкий месяц. А тут мы!! Какой неприятный сюрприз!

Парень кричал что меня покарает бог!! Что он никогда не забудет этого!! А я смеялся потому что знал что он сторит заживо.

Сейчас я вспомнил его лицо. Может странный тип это правда был он. Как он выбрался из горящего запертого дома? Загадка.

Я рассказал все доктору. Доктор спросил что я чувствую? Я ответил, сожаление. А еще стыд. Если это действительно тот парень, то я так виноват перед ним! Я сказал доктору, что нашел бы его и извинился. Или сделал что-то еще. Доктор спросил, а как вы думаете извинения будет достаточно??

Я смутился и ответил, наверное нет. Но я не знаю, что могу сделать для него. Особенно после того как избил его в мастерской и мне помогали друзья. Я сказал что если можно купить любовь то можно купить и прощение?

Тогда доктор отругал меня. Он сказал, кто вам сказал такую чушь?? И был очень сердит! Он сказал что такие чувства и отношения нельзя купить за деньги. И если я буду идти по этому пути из меня ничего хорошего не выйдет.

Вот это поворот!!! Я не ожидал такого. Борис и Аран говорили совсем другое.

Но я больше верю доктору. Он умный. У него длинное имя. Я только начинаю его запоминать и произносить без запинки.

Ве-ни-а-ми-н!

* * *

Последние дни не писал. Чувствую себя не важно.

Мне не физически плохо. Муторно на душе.

Думаю о моих новых друзьях.

Думаю о странном типе.

Думаю о словах доктора.

Может мы действительно монстры как говорят фанатики из си вай?? Может мы действительно не умеем жить в обществе? Инстинкты рвутся наружу!! Как я был му... (*вымарано*) так и остался??

Не хочу так!

Не хочу!

Не...

(*вымарано несколько строк*)

* * *

Снова ходил к доктору.

Он сказал, чтобы я успокоился и подумал еще. Оглянуться вокруг себя и понять кто тебе друг а кто просто притворяется таким. Может кто-то пользуется моей наивностью??

Он спросил, как я сплю. Я сказал, что в последние дни не очень хорошо. Он спросил что я чувствую. Я сказал, смятение. Он спросил, чем это вызвано?? Я не знал, что сказать.

* * *

(вымарано половина страницы)

...и не хочу об этом писать вообще!!

Достаточно того что это просто не правильно!

* * *

Сегодня ко мне в гости приходил Расс. Мы много говорили. Я спросил у него были когданибудь после перехода сомнения в правильности? Он сказал, конечно были! Но ты посмотри сам сказал он!! Что лучше?? Когда еще ты так жил?? Посмотри на этот город!! И на этих девушек!! Он сказал, что только сейчас он может дышать полной грудью и не думать о том, что однажды его превратили в оружие.

Я рассказал ему про странного типа.

Расс утешал меня. Он сказал, что из-за нашего прошлого таких случаев будет много. Он тоже не знает как искупить свою вину. Но если люди дали нам шанс его надо использовать!! Надо идти дальше и не оглядываться назад!!

Я хотел рассказать ему про свою работу...

В итоге решил не говорить. Но спросил, что мне делать если вдруг окажется что люди рядом со мной меня используют или захотят что бы я сделал что-то для них? *(вымарано)* для них??

Расс посоветовал сходить к Яну.

Я подумаю над этим.

* * *

Нет. Не пойду.

Видел его сегодня и кивнул ему. Он принял вид очень важного занятого босса. Ха!

Я ведь давно не неофит так? Сам разберусь со своей проблемой.

* * *

Может я схожу все же к нему. Попозже.

Он умный и дружит с умными людьми. Они посоветуют!!

* * *

Вот это меня трясло сегодня!!

Я молчал долго, но все таки решился и все им высказал!!

Дело в том, что я нашел...

(вымарана половина страницы)

... конечно они испугались!!

Я сам испугался если честно. Почти как тогда когда бил странного типа. Я мог сорваться!! Дьявол!! Как же у них посерели лица! О! Они почуяли во мне дарского офицера! Точно так же как я чуял в них страх и ненависть. Да!! Я впервые почувствовал в них ненависть. Видимо я слишком разозлил их своими словами. Но я не угрожал. Зачем? Я не бил их и не пугал. Хотя меня трясло, так что я собрал все свои силы чтобы удержаться. Но они все равно возненавидели меня...

Я попросил у Вацлава отгул. Он сказал иди.

Я ушел.

Они думали я не слышу. Но я слышал все как они сказали, что я могу стать для них проблемой.

* * *

Я просто пойду в отдел по надзору и попрошу перевести меня в другую мастерскую или дать другую работу. Может быть, пойти в пару к Рассу? Я могу убирать улицы.

(выдран лист)

... в общем то все нормально!!

Не считая того что снова пришли плохие сны и мысли. Я не боюсь, конечно же. Мне бы только заполнить эту пустоту...

Надо снова сходить к доктору. Может он...

(остальные листы выдраны)

Утро 9 апреля

Четыре часа утра.

Сходил в круглосуточный магазин за сигаретами и теперь курю в открытое окно. Дождь закончился. Со двора тянет сыростью и тоской. Есть ли у тоски вкус или запах? Можно ли невооруженным глазом разглядеть ее, застрявшую в черных ветвях тополя? Или в облаках, нависших над глазницами окон? В них нет света. В мире вообще нет света. И я тоже не включаю его.

Я виноват, что не смог поговорить с Полом своевременно. Виноват, что он не пришел ко мне со своей бедой. Но достаточно ли будет сожалений? Что можно сделать теперь?

Надо сходить к нему в мастерскую. Узнать у Расса, где именно он работал. Я хорошо запомнил те имена. Вацлав. Борис. Аран. Да еще доктор. Ве-ни-а-мин?

Уж не тот ли, чье имя я сам не выговариваю полностью? Внешне добродушный, но хитрый. Его прикрепили ко мне аккуратно после смерти Пола. Слишком много совпадений.

Мерцающий огонек окурка падает быстро, затухает на ветру и становится неразличим и черен в непроглядной темноте раннего утра.

Люди говорят, ночь темнее перед рассветом. У Пола рассвет так и не наступил. Но я сделаю все, чтобы зажечь поминальную свечу для него.

9 апреля, среда. Приглашение

Кофе, таблетки и сигареты – мой утренний рацион.

Ночь прошла без сна. Но мне не впервой бодрствовать по несколько суток. Я выгляжу ужасно. Еще ужаснее, чем обычно. И зеркало, словно в насмешку, выхватывает изъяны моего лица: осунувшегося, постаревшего, исчерканного шрамами.

«Лицо – зеркало души, – говорили нам в центре. – Совершая добрые дела и поступки, мы молодеем и хорошеем собой. Совершая зло, мы становимся уродливее и старше».

Раньше мы не замечали этого. Только в центре поняли, насколько отличаемся от людей, насколько кажемся уродливыми и старыми рядом с ними. Насколько мы – чужие. И это опустошало не меньше, чем смерть Королевы.

Непогода радует: можно поднять воротник пальто и, спрятав в него лицо, слиться с толпой – усталыми, промокшими и вечно спешащими куда-то людьми. Тогда во мне не замечают чужака, не отшатываются и не бросают брезгливые взгляды. Тогда я могу чувствовать себя спокойнее.

Дождь начинает накрапывать снова.

Расс, нахохлившийся, как ворон, сидит на сломанной детской карусели. Завидев меня, машет рукой.

– Что-то нашел? – без обиняков спрашивает он.

У меня хватило времени поразмыслить, рассказывать ли

коменданту о находке. По старой привычке решаю сказать полуправду.

– Только это, – протягиваю блокнот Рассу.

Он, сощурившись и прикрывая страницы ладонью, некоторое время изучает его.

– Это номера клиентов, – наконец, говорит комендант. – А это мастерской.

Обломанным ногтем подчеркивает тщательно выведенный шестизначный номер.

– Учту. А адрес мастерской знаешь?

Расс морщит лоб, вспоминая.

– Адрес не скажу, а план нарисую.

Он достает из внутреннего кармана карандаш, слюнявит его и начинает рисовать. Дождь усиливается, и я складываю ладони домиком, чтобы не размывать рисунок. Мастерская оказывается недалеко от дома Пола, в восточной части города.

– Семь сорок пять, – вдруг говорит Расс.

Он поднимает голову и поворачивается к дому напротив, чей подъезд хорошо виден с каруселей. Дверь распахивается. Сначала появляется зонт, который тут же раскрывается, как бутон черного тюльпана. Следом – тонкий женский силуэт.

– Она очень пунктуальна, – с улыбкой произносит Расс.

– Кто?

Девушка некоторое время топчется у порога, пытаясь одной рукой одернуть плащ, который настырно задирает ветер,

а другой удержать и зонт, и фигурный кожаный футляр.

– Не знаю ее имени, – отвечает Расс. – Но она всегда выходит по средам в одно и то же время. Она выступает в этой... фи... ларм... монии!

Комендант с трудом выталкивает незнакомое слово и, улыбаясь до ушей, поясняет:

– Она скрипачка.

Девушка, наконец, справляется с ветром и одеждой, перекладывает футляр в левую руку, и, осторожно переступая лужи, идет через двор. На нас она не смотрит, зато Расс выворачивает шею, пялясь ей вслед.

– Нравится? – спрашиваю.

– Нравится, – соглашается Расс.

– Так спроси ее имя.

Расс отводит взгляд, вздыхает.

– Может... когда-нибудь...

Бросает мечтательный взгляд на арку, где в последний раз мелькает и исчезает в дожде точеная фигурка, и возвращается к блокноту.

* * *

Я раздумываю, не посоветоваться ли с Торием, и если да обо всем, что я узнал из дневника Пола? К моему удивлению, Торий сам вызывает меня в кабинет.

Он тигром ходит вокруг стола, но едва я вхожу, останавливается и произносит:

– Быстро пришел ответ.

– Какой ответ?

– Да из студии, – отвечает он и протягивает мне цветную открытку. – Помнишь, ты хотел дать опровержение на ту передачу с Морташем?

Открываю послание, и руки предательски дрожат.

В открытке – официальное приглашение. Без разрешения опускаюсь прямо в профессорское кресло и впиваюсь в красиво отпечатанные строчки:

«Уважаемый господин Вереск! Спасибо, что следите за выпусками «Вечерней дуэли»! Мы приглашаем Вас принять участие в передаче, посвященной проблемам социализации и адаптации васпов в обществе. На повестку дня вынесены такие вопросы, как продвижение нового законопроекта о равных правах людей и васпов, о законодательном запрете расовой дискриминации и о внесении поправок в закон об образовании.

Передача состоится в 17-00, в пятницу, 11 апреля.

В Вашу поддержку выступит: профессор Института Нового мира Виктор Торий и директор благотворительного фонда «Открытые двери» Хлоя Миллер.

Вашими оппонентами будут: глава общественного движения «Contra-wasp» Эштван Морташ и профессор кафедры экспериментальных технологий и биологии Южноудельской Академии наук Южган Полич.

Также в связи с политикой канала и в рамках формата передачи убедительная просьба к Вам явиться в парадной фор-

ме дарского командования.

Ждем вашего согласия.

С уважением...»

Откладываю приглашение. Голова идет кругом. Торий улыбается смущенно и нервно:

– Меня пригласили в качестве твоего консультанта.

Помню, как сказал ему тогда: «Делайте, что хотите». Полагаю, Торий и сам не подозревал, чем обернется его спонтанный звонок на студию. В дневнике Пол написал, что у меня с профессором есть нечто общее. Определенно, есть: легкомысленное отношение к словам и их последствиям.

– Ты можешь отказаться, – неуверенно говорит Торий.

Я молчу. Хмурюсь. Думаю.

Эштван Морташ – глава Си-Вай. Вот уж кто всегда просчитывает ходы. Он сумел поймать нас на крючок в Даре, продолжает вылавливать и теперь.

– Если не пойду, он посчитает меня трусом. Я не имею права сдать. Не имею права отступить.

– Они хотят, чтобы ты пришел в форме. Это провокация, – последний аргумент Тория пощечиной бьет наотмашь. Внутри все дрожит и вибрирует, как натянутая, готовая вот-вот порваться струна, и сердце начинает болезненно сжиматься и саднить. Что-то забытое поднимается со дна – и свербит, и скребется, и ноет. Что-то, связанное с Даром, пропитанное темным ядом и кровью.

Прячу волнение за показным спокойствием. Сосредото-

ченно и аккуратно разглаживаю приглашение по сгибу, кладу на край стола.

– Они хотят монстра, – произношу я тихо. – Будет им монстр.

В глазах Тория плещется опасение. Наверное, я снова ляпнул что-то не то, поэтому спешу успокоить:

– Монстры живут и среди людей. Но в отличие от васпов, они скрывают свое уродство. Лгут, прикидываясь праведниками. Творят зло, прикрываясь благими намерениями. Но теперь у меня появился шанс открыть людям глаза на многое, – я делаю паузу и спрашиваю напрямик: – Ты подумал, что, говоря о монстре, я имел в виду себя?

Торий отводит взгляд. Я смотрю на него исподлобья и отрывисто говорю:

– Не уподобляйся подонкам из Си-Вай. Я ведь обещал быть хорошим мальчиком, – усмехаюсь и стараюсь придать своему голосу шуточный оттенок, – по крайней мере, пока ты балуешь меня конфетами.

Беру из вазочки карамель. Торий смеется, но все еще выглядит встревоженно.

– Прости, – говорит он. – Прости, что втянул тебя в это.

Пожимаю плечами:

– Однажды кто-то сказал мне: надо выходить на бой со своими демонами. И побеждать их.

Потом я звоню доктору с непроизносимым именем и прошу назначить встречу на сегодня. Когда заканчиваю гово-

ритель, Торий одобрительно произносит:

– Рад, что ты взялся за ум.

Скептически хмыкаю, а про себя думаю: является ли мой доктор и доктор Пола одним и тем же человеком?

* * *

К вечеру дождь усиливается. Простуды я не боюсь, но дождь не люблю все равно – он смывает следы и запахи. Это дезориентирует и сбивает с толку, как будто в голове на время перегорает лампочка, и приходится пробираться на ощупь. Лабиринты улиц становятся чужими, наполненными пустотой и шорохами. Город подмигивает неоновыми глазами, этот чужой и искусственный свет просачивается сквозь одежду, льнет к телу. Ботинки промокают насквозь. И кажется, я снова нахожусь в Даре, среди сырости и болот. Вокруг ревет и стонет ночной лес, а впереди высятся черные громады Ульев.

Весь город – один гигантский Улей: система коридоров и ходов, многоярусных виадуков. Наверху, в тепле и сытости живут сильные этого мира, такие, как Эштван Морташ. У них много привилегий, они носят красивую одежду и имеют ухоженных женщин. Оттуда, сверху, они снисходительно смотрят на кишачий внизу муравейник. Распоряжаются чужими жизнями. Швыряют надежду – она блестит заманчиво и трепещет, как наживка. И все, изголодавшиеся по огню, клюют на нее. И попадают в сачок. Для таких, как Морташ, мы навсегда останемся подопытными животными в ви-ва-

рии. Иногда я боюсь, вдруг весь этот Переход, и этот город, и окружающие меня люди – просто очередной эксперимент?

Вместе со мной в приемную доктора проникает сырость и запах мокрой одежды. Доктор с непроизносимым именем всплескивает руками:

– Что с вами, голубчик? Да вы никак насквозь!

– Пустяки, – говорю я и сажусь на диван прежде, чем доктор успевает предложить стул. Он расстроено смотрит, как по обшивке дивана расплываются влажные пятна.

– Я включу камин, – вздыхает он. – Как ваше самочувствие сегодня?

– Отвратное. Здесь хуже, чем в Даре.

– Отчего же? – доктор садится напротив, участливо смотрит сквозь поблескивающие стекла очков.

По карнизу мерно барабанит дождь. От камина разливается тепло, и мягкий приглушенный свет успокаивает, дает ощущение расслабленности, притупляет бдительность. Встряхиваю головой, отгоняя слабость, приглаживаю ладонью мокрые волосы.

– Слишком много грязи и фальши.

– Так-так, – говорит доктор и слегка наклоняется вперед, сцепляя пальцы в замок. – Давно ли вы пришли к такому заключению, друг мой?

– Три года назад. Когда впервые прибыл в Дербенд. Тогда я все еще надеялся...

– А теперь?

Усмехаюсь:

– Теперь я хорошо изучил людей. Они не лучше васпов. Только прикрывают свое уродство маской добродетели. Все эти разговоры о душе. О чувствах. О дружбе. О помощи. Все это иллюзия. Обман. Фальшь.

– А в Даре разве не было фальши? – спрашивает доктор.

Я много думал и над этим. Чем вообще была наша жизнь? Выживанием. Насилием ради насилия. Войной ради войны.

– В Даре был Устав, – отвечаю сухо. – И была Королева. Если ты нарушал Устав – тебя наказывали. Если ты верно служил Королеве – тебя повышали. Если ты хотел есть – ты ел. Если хотел взять женщину – брал. И если хотел убить человека – убивал его.

– Весьма упрощенно, не находите?

– Зато честно. В вашем мире те, кто имеет власть и деньги, тоже берут, что хотят, и убивают, если надо. А все остальные рассуждают о добродетели. Но на деле просто завидуют могуществу и силе. Все ваши разговоры – ложь и манипуляция.

Я пытливо смотрю на него. Лицо доктора спокойно, но сцепленные в замок пальцы нервно подрагивают, на лбу выступает испарина: выпущенная мной пуля попала в цель. И теперь эмоциональная волна переполняет доктора, как кровь наполняет рану.

– Теперь понимаю, почему васпы выбрали вас лидером, – наконец произносит он. – Вы умеете произнести зажигательную речь. Но вы не первый, кто говорит такие слова, голуб-

чик. Мне приходилось работать с разочарованными в жизни циниками и с уставшими пессимистами.

– С васпами?

А про себя задаю другой вопрос: «С Полом?»

– С людьми, с васпами, – доктор пожимает плечами. – Разница действительно не так велика, как хотели бы показать ваши оппоненты. Или как хотелось бы вам самим. Вы любопытно рассуждаете о душе и чувствах.

– Говорят, проще всего рассуждать именно о том, о чем не имеешь представления.

– О, здесь вы не правы! – восклицает доктор. – В вас, голубчик, есть и то, и другое. Сейчас вы продемонстрировали это очень хорошо, а я всегда говорил, что васпы способны испытывать высшие эмоции. Ведь именно они соотносятся с понятием души. Мне всегда хотелось увидеть ее – душу васпы.

Отодвигаюсь подальше, увеличивая дистанцию. Этот разговор начинает заходить слишком далеко. Слова доктора коробят, от его пронизательного взгляда хочется скрыться. И я кошусь по сторонам, выискивая пути к отступлению, а вслух произношу:

– Вы такой же экс-пе-риментатор, доктор, как и сторонники Си-Вай. Мы для вас – подопытные хомячки.

Думаю, что мои слова рассердят доктора, но он смеется и всплескивает руками:

– Что вы, дружок! Просто у меня большая практика. И

поверьте, я с не меньшим пристрастием ищу души у людей! Только вот незадача – не всегда нахожу.

– И что тогда?

– Тогда мы начинаем растить их заново. Поверьте, это больно и тяжело – растить души. Не менее тяжело и больно, чем выправлять сломанные и залечивать ампутированные. Но результат стоит того, чтобы попробовать.

Мы замолкаем. Я слушаю ливень за окном. Доктор смотрит на меня, но не пристально, а из-под полуопущенных век. Он выжидает, дает время на раздумья. Его пуля тоже достигает цели, но эта пуля не разрывная, скорее – капсула с ядом. Скоро оболочка истончится, растворится в организме, и яд начнет действовать.

– Допустим, – произношу я. – Но раз вы такой садовник душ. Скажите. Как можно вырастить что-то на пепелище? Если отняли все. Родных. Дом. Саму жизнь. Я знаю, о чем говорю. Я лишился всего этого. А потом отнимал у людей. Я помню взгляд одного парня, – делаю паузу, вспоминая откровения Пола, с сожалением качаю головой. – Я при нем зарезал его жену. А потом убил его самого. Вы никогда не узнаете, господин доктор, как это – смотреть в глаза своей жертвы и видеть в них ненависть.

Доктор вздрагивает. Узнал историю Пола или нет? Я планирую и дальше играть на его смятении, но на этот раз ошибаюсь. Мои слова вызывают у доктора снисходительную улыбку, он вздыхает и говорит:

– Друг мой, мне важнее, что вы сами делаете первый шаг и делитесь своими мыслями. Не волнуйтесь, – и мягко, словно поддерживая, кладет мне на плечо руку. – Мы обязательно разберемся с этим. Сейчас вы продемонстрировали свои чувства, сожаление, обиду, злость, и что самое главное – заботу. Да-да! – поспешно говорит он, замечая, что я уже готов протестовать. – Именно заботу! Не о себе, а о своих товарищах. Ведь вы считаете себя ответственным за них, не так ли? А что это, как не проявление человечности? – он улыбается и добавляет: – Видите, и на пепелище однажды всходит росток новой жизни. Просто нужно поверить в себя, дружочек.

Яд, впрыснутый доктором, начинает разливаться по сосудам. Я чувствую, как в груди становится горячо и больно. Сегодняшний раунд прошел вничью. Доктор не так прост, чтобы расколоть его в одно мгновение.

Доктор словно читает мои мысли и довольно усмехается.

– Нам обоим есть, над чем поразмыслить, друг мой, не так ли? Пусть это будет нашим домашним заданием. А теперь – позвольте угостить вас чаем? Уверяю вас, ничто так не поднимает настроение в дождливую погоду, как ароматный чай с джемом. Вот, понюхайте, как душисто пахнет!

И выставляет на стол вазочку с вареньем и пузатый, разрисованный большими лилиями заварной чайник.

* * *

Домой я отправляюсь на такси.

Доктор любезно вызывает машину и даже оплачивает, хо-

тя я и отнекиваюсь. Весьма упрямый тип. Жаль, если он работает на Си-Вай. Зато я получил представление, почему Полу были настолько важны встречи с ним: доктор умеет доносить свои идеи не хуже Дарского наставника, и он куда более интересный собеседник, чем Торий.

И все-таки, надо признать: на время становится легче.

Возможно, доктор не так и заблуждается на наш счет? Ведь люди верят в душу, в любовь, в заботу и прочую ерунду. И даже отдают жизни, чтобы утвердить эту глупую веру. Отдал жизнь и Пол...

Глупость заразна.

10 апреля, четверг. Старые враги

Мне снова снится русалка, светлая и прозрачная, как ключевая вода. Такие, как она, никогда не посмотрят на монстра. Поэтому таких, как она, монстры берут силой.

Мое уродство вторгается в ее красоту. Ее слезы подобны росе, ее страх опьяняет. Внутренний шторм ревет и рвется наружу, и моя внутренняя боль смешивается с ее болью, а моя кровь – с ее кровью. Уродство и красота объединяются в одно целое, и лезвие вспарывает жилку на шее.

Это так приятно, так невыразимо приятно втаптывать в грязь чистое, рвать цельное, уничтожать красивое. Когда вокруг уродство и тьма, ты сам кажешься не таким уродливым и темным.

Просто у меня давно не было женщины.

Так говорю я себе. И это звучит, как оправдание. И немного успокаивает.

Возможно, мне стоит последовать примеру Расса и Пола. Хотя сама мысль о том, что надо заплатить женщине за несколько часов с ней, поднимает волну протеста. Но инстинкты сильнее. Я – больной ублюдок. И никакие таблетки – ни белые, ни голубые, ни красные – не помогут, когда жажда разрушения достигнет критической массы. А я не хочу срыва. Не хочу обратно в реа-били-таци-онный центр. И тем более не хочу погибнуть от пуль полицейских.

Женщина – лекарство от моего одиночества. Сосуд для моей тьмы. Последнее средство – помощь психотерапевта с непроизносимым именем – я оставляю на крайний случай.

* * *

Сегодня совсем нет времени на записи. Институт готовится к симпозиуму. Для меня это означает шлифовку навыков «подай-принеси». Когда много работаешь руками, некогда думать головой. И я пользуюсь этой передышкой и очищаю свой разум от мыслей о Поле, о докторе и о мертвой русалке. Под вечер я основательно вымотан и хочу только одного – спать. Тем более, ничего выдающегося не происходит.

За исключением столкновения с бывшим лаборантом Тория.

Столкновение – громко сказано. Он просто проходит мимо, на ходу застегивая пальто. Но я сразу узнаю его – долговязого очкарика, который три года назад таскался за женой Тория и которому я однажды преподавал урок вежливости, спустив его с лестницы и наставив пару синяков. Думаю, он тоже этого не забыл: его безразличие напускное. Я чувствую на себе короткий взгляд. Конечно, не забыл.

– Что он делает здесь? – интересуюсь у Тория.

Тот рассеянно копошится в бумагах и, не поднимая головы, отвечает:

– Кто? Феликс? А... принес материалы. Стандартная процедура.

– Разве он не ушел из института?

– Ушел почти сразу, как начался эксперимент «Четыре». И продолжает возиться с документами, а я замираю.

Эксперимент «Четыре» – ему присвоен тот же кодовый номер, что и последней экспедиции в Дар. Тот самый эксперимент, превративший меня в...

– Интересно, – медленно произношу я и стараюсь отогнать картины трехлетней давности. – И где он работает теперь?

– В Южноудельской Академии, у Полича.

– Вот как, значит, – бормочу я, не зная, что сказать еще.

Торий вздыхает.

– Да, Феликсу повезло. Не знаю, какими судьбами ему удалось пробиться. Южган Полич – светило науки. Жаль, мне не удалось пообщаться с ним ближе. Особенно когда началась эта катавасия с Дарским экспериментом...

– Он тоже один из основателей Си-Вай?

Торий смеется и не замечает моей хмурой физиономии.

– Что ты! Полич цепной пес науки, и только наука интересуется его. К сожалению, именно у глав Си-Вай имеется приличное финансирование, но будь у меня возможность – я бы с удовольствием поработал с ним. Считаю, за ним и Академией большое будущее.

– Нежизнеспособные мутации и загубленные жизни?

Меня начинает потряхивать, пальцы сжимаются в кулаки. С лица Тория сползает улыбка.

– Напротив, – сдержанно говорит он. – Продление жиз-

ни. Лечение смертельных заболеваний. Когда-то ученые выявили код смерти и остановились. Военным этого показалось достаточно. А Полич пошел дальше: он ищет код жизни.

– Путем экспериментов над выродками вроде меня?

На лицо Тория набегают тени.

– Кажется, этот вопрос давно решен в научном мире.

– Но поднимается снова и снова! Полич и подобные ему – изверги. Хочешь примкнуть к их рядам?

Торий выпрямляется. В его глазах сверкают гневные молнии.

– Знаешь, – говорит он. – Весь мир не должен вращаться вокруг тебя и твоих интересов.

Больше он не говорит ничего. Сгребает бумаги и выходит из лаборатории.

Наверное, мои слова действительно задели его. Но виноватым себя не ощущаю. В конце концов, Торий тоже причастен к эксперименту «Четыре». Для ученых, вроде него или Полича, я навсегда останусь осой под микроскопом.

11 апреля, 12 апреля, 13 апреля

Сегодня 13 апреля, воскресенье.

Только теперь руки дошли до дневника. Предыдущие два дня не писал, нарушив данное себе обещание. Почему? Начиная с момента, как я нашел дневник Пола, события нарастали, как снежный ком. Зато теперь у меня достаточно времени для записей.

Моя собственная квартира стала временной тюрьмой. Торрий забрал у меня ключи и навещает дважды в день – утром и вечером. Он привозит мне еду, делает внутримышечный укол, ставит капельницу глюкозы и следит, чтобы я вовремя принимал таблетки.

А все началось в пятницу, 11 апреля.

Я постараюсь собраться с мыслями и изложить как можно подробнее то, что произошло на шоу «Вечерняя дуэль», и события, следующие за ним.

11 апреля, пятница. Телешоу

С утра Торий где-то пропадает и возвращается в обед – подстриженный, за версту благоухающий одеколоном, одетый в дорогой серый костюм. Он застает меня в лаборатории, где я, ползая на коленях, затираю тряпкой следы разлитых химикатов.

– Ты почему еще здесь? – кричит он – Что ты вообще делаешь? Можно подумать, у нас уборщицы нет!

– Зачем уборщица? – спокойно говорю я. – Сам пролил, сам вытру.

– Вечером передача. Забыл?

Я откладываю тряпку и гляжу на часы:

– Еще через пять часов.

– Уже через пять часов! – раздраженно поправляет Торий. – Собирайся, записал тебя в парикмахерскую. Хоть раз появишься перед людьми достойно, а не как обычно.

Повязку приходится снять, но мастер – тихая и очень вежливая девушка – не задает ни одного вопроса и никак не демонстрирует брезгливость. Полагаю, Торий хорошо ей заплатил. Бреет она аккуратно, ее прикосновения – порхающие и очень легкие. Это достаточно трудно выносить, учитывая, что у меня давно не было женщины.

– Теперь хоть на человека похож, – довольно говорит Торий, когда пытка заканчивается. Знаю, что Торий волнуется.

Не стану лгать: я волнуюсь тоже. Прошу подождать в коридоре, а он соглашается и шутит:

– Ты как школьница перед выпускным балом.

Не знаю, как насчет школьницы, но примерно так я чувствовал себя на первом задании. Это укладывается в два слова – волнение и страх.

У людей есть поговорка «первая любовь не ржавеет». Могу с уверенностью сказать: первое убийство тоже.

Васпы не всегда проходили по селам огненной волной, оставляя трупы и разрушенные дома. Куда чаще господа преторианцы заключали договора со старостами деревень: люди отдавали технику, продовольствие и неофитов. Мы же взамен не трогали их женщин, оберегали земли об браконьеров и беглых каторжников, поставляли людям мази, излечивающие любые раны. Раз в год откупиться несколькими пацанами в обмен на спокойную жизнь? Люди готовы и на большее.

Совсем по-другому проходили карательные рейды. Отказываясь платить дань, люди навлекали на себя гнев Королевы. Такие деревни становились экзамена-ционной площадкой для очередного выпуска неофитов. Сколько мне было лет на время экзамена? Где-то около четырнадцати, если судить по человеческим меркам. Совсем юный, до смерти перепуганный неофит, только что вышедший из тренажерного зала. Моим заданием были дети и старики. Васпы считали, так проще переступить через остатки человечности – убивать тех, кто не мог оказать сопротивление. Но и тогда, и те-

перь я думаю, что проще убить взрослого, нацелившего на тебя ружье. Здесь же мне не оставили ни одного шанса на оправдание.

Когда ночь заливает чернилами окна, а на стене пляшут оранжевые отблески фонаря, мне снится старуха, сидящая за столом, на котором лежит только черствая корка и сморщенный кусок яблока. Ее глаза скорбно смотрят в пустоту, но когда я подхожу, сморщенное лицо озаряется радостью.

– Ванечка, внучек! – тихо произносит она. – Наконец-то навестил бабушку. Да какой красавец стал! Светленький, будто солнышко...

Помню, меня трясло. Уши наполнило звоном, будто рядом ударили в набат – это из ослабевших пальцев выпал и стукнулся о доски пола зазубренный нож. Я отступаю на шаг и останавливаюсь. Бежать некуда: в дверях стоит сержант Харт. От него пахнет кровью и смертью – тяжелый запах, пропитавший насквозь за долгие годы тренировок и пыток. Хочется развернуться и выпустить ему пулю в лоб. Но Харт не один. За ним, в дыму и пламени, ждет еще сотня таких же – стервятники со смердящими клювами, готовые разорвать тебя на куски, едва только проявишь слабость. И я слышу слова – страшные и хлесткие, как удар плетью:

– Никакого милосердия.

Тогда я вынимаю маузер и стреляю старухе в голову. Она дергается и беззвучно заваливается на спину. Беззвучно – потому что за окном полыхает взрыв. Стекла дребезжат, сте-

ны ходят ходуном, и пол под ногами выгибается, как спина перепуганной кошки. Я опираюсь о стол, пытаюсь сохранить равновесие, и дышу тяжело, хрипло. Красно-оранжевый свет опалает ресницы и веки. И сердце, бившееся так быстро, замирает и превращается в камень – эта тяжесть наполняет меня, тянет на дно. Наверное, в бездну, куда попадают все проклятые души.

Потом, правда, становится легче, почти не страшно. Воспоминания изглаживаются, а дни затягиваются кровавой пеленой и становятся похожи один на другой. Не остается ничего – лишь пустота. Поэтому делаешь все более страшные вещи, только бы наполнить эту пустоту смыслом, а, может, дойти до грани, за которой вернутся хоть какие-то чувства. Это похоже на вечный бег по кругу, на жизнь во сне, когда хочешь проснуться, но не можешь. Жизнь в Даре напоминала затяжную кому.

Теперь я очнулся от многолетнего сна, а мой преторианский китель – как анамнез, доказательство моей болезни. И если Морташ и его приятели с телевидения хотели ударить сильнее – что ж, они знали, куда бить.

Я выхожу к Торию смущенный и взволнованный, на ходу поправляю портупею. Удивительно, но форма сидит так, будто пошили ее только вчера.

– Как я выгляжу? – спрашиваю у Тория.

Он оценивает меня прищуренным взглядом и отвечает:

– Как господин Дарский офицер. Хочется падать в ноги и

молить о пощаде.

– Ха-ха! – произношу саркастично, и хотя чувствую некоторую неловкость, на сердце становится куда спокойнее. Вопреки опасениям, у меня не появляется желание резать людей налево и направо. Монстр не просыпается.

Во дворе мы сталкиваемся с бабкой, которая живет этажом ниже. Она размашисто крестится и бормочет под нос: «Свят-свят...» Я быстро юркаю на заднее сиденье автомобиля: не люблю быть в центре внимания. Но преторианский мундир – как шляпка мухомора, сигнализирующая: «Осторожно! Опасность!». И если в Даре внимали предупреждению и обходили меня стороной, то здесь, в городе, куда больше желающих подойти поближе и ткнуть палкой.

Всю дорогу до студии Торий наставляет меня: как держаться, что говорить, о чем лучше умалчивать. Слушаю вполуха, ветер, сквозняком проникающий в приоткрытое окно, выдувает из головы мысли. Я только и могу, что, прислонившись лбом к холодному стеклу, следить, как мимо проносятся дома и фонарные столбы, а над городом клубятся и густеют тяжелые тучи.

На студии меня встречают куда более сдержанно, хотя я чую их любопытство – оно вьется вокруг, будто таежный гнус. Меня ведут по хорошо освещенному коридору, оттуда – в комнату для гостей. Торий теряется позади, а я остаюсь один и только теперь понимаю, во что вляпался.

Я. Васпа. Один. На телестудии. И через несколько минут

мне предстоит выступить на все Южноуделье.

Прошибает пот. Одно дело – спорить с доктором с глаза на глаз. И совсем другое – говорить для нескольких миллионов людей! Я не привык к этому. Даже после Перехода практически все переговоры вел за меня Торий. А я смотрел. Слушал. Учился.

Мне подсказывают, куда надо идти. Но я и сам вижу – площадка поделена на три сектора. Посередине располагается ведущий. По сторонам от него – стойки с микрофонами для участников. Каждая половина выкрашена в свой цвет. Я захожу с левой стороны и отмечаю, что пол красный. Едва не спотыкаюсь, потому что на долю секунды чудится, будто я иду по щиколотку в свежей крови. Но такое впечатление создает освещение – яркие софиты, направленные на сцену, бьют в лицо. Здесь ярче, чем в инкубаторе Улья. А зал – темный. Я не вижу ничего, кроме силуэтов. По привычке опускаю голову и смотрю под ноги. Поэтому не сразу замечаю, как навстречу мне, по синему сектору, вальяжно и уверенно идет Моргаш.

К стойкам мы подходим почти одновременно.

Я пропускаю момент, когда нас представляют зрителям. Очухиваюсь, когда зал взрывается аплодисментами – звуковая волна не менее мощная, чем взрывная. Кошусь по сторонам, оценивая обстановку. Мне чудится какое-то движение сверху, но лампы слепят, будто мириады солнц, и я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть опасение. Студия невели-

ка, хорошо освещена и наверняка хорошо простреливается насквозь. А Морташу хватит ума прикрыться своими снайперами.

Завожу руку назад, тянусь пальцами к рукояти стека – я еще не растерял реакции и могу перерезать горло быстрее, чем враг нажмет на спусковой крючок. Но... пальцы встречают пустоту. Лишь небольшая кожаная петля, свисающая с портупей, напоминает об утраченном оружии.

Гадюку избавляют от ее смертоносных клыков. Разница в том, что свой ядовитый зуб я выдернул сам.

Ведущего зовут пан Крушецкий, но я собираюсь называть его просто «господин ведущий», чтобы не запутаться в именах. Морташ стоит, как ни в чем не бывало, прямой в осанке, самодовольный и вылощенный. Ему не впервой улыбаться на камеру.

Ведущий уже минуту, как тараторит, произнося стандартные слова приветствия телезрителям.

– В прошлом выпуске нашей программы, – говорит он, – мы поднимали вопрос, волнующий многих граждан Южно-уделья: возможно ли мирное сосуществование в обществе людей и так называемых васпов? Уроженцы самых северных областей, выходцы из Дара, васпы всегда были овеяны ореолом легенд. Около трех лет назад профессор Института Нового мира Виктор Торий доказал, что васпы действительно существуют. Но кто они? Убийцы без права на прощение или жертвы эксперимента? Сегодня мы пригласили в нашу сту-

дию самого известного из представителей васпов. Господин Ян Вереск!

Когда аплодисменты стихают, ведущий обращается непосредственно ко мне:

– Господин Вереск, вы обратились в нашу студию с претензией, что столь актуальные вопросы решаются без вашего непосредственного участия. И я приношу вам извинения от нашей программы и от себя лично. Сегодня вы можете донести свою точку зрения и опровергнуть мнение господина Морташа, высказанное в прошлой нашей передаче. Пожалуйста, вам слово.

Он делает паузу и выжидающе смотрит на меня. Зал замирает. И черный бесстрастный глаз камеры – словно ружейное дуло – нацеливается на мое лицо. Температура в студии подсакивает на несколько градусов. Я чувствую, как за ворот мундира медленно сползает первая капля пота. Но отступить некуда. Словно за спиной опять стоит сержант Харт и ждет моего первого выстрела. Я не имею права промахнуться.

– Да, – мой голос предательски срывается, и я умоляю, облизываю кончиком языка пересохшие губы. Ведущий смотрит внимательно. Морташ улыбается, его лицо безмятежно и высокомерно.

– Господин Морташ, – пытаюсь снова, и на этот раз голос твердеет, звучит отчетливо в установившейся тишине. – Вы позволили оскорбительную оценку целой расы. Назвали нас механизмом для войны. Но никто из нас не выбирал эту

жизнь. Никто не мечтал стать убийцей. Никто не был добровольцем. Все решили за нас. Те, кто запустил Дарский эксперимент. Никто не спрашивал, хотим ли мы такую жизнь. Потому что мы не хотим! Но вы, господин Морташ, и сторонники движения «Contra-wasp» делаете все, чтобы вернуть нас в лаборатории. Приравнять к подопытным крысам. И мало того – узаконить это. Почему вы считаете, что можете распоряжаться чужими жизнями? Унижать чужую личность?

– Потому что вы – не личность, – отвечает Морташ. – Ни вы, господин Вереск, ни кто-либо из васпов.

В зале поднимается едва слышимый гул – одобрения или порицания? Но Морташ поднимает ладонь, успокаивая и меня, и зрителей.

– Позвольте пояснить, – вежливо продолжает он, лишь слегка повысив голос. – Господин Вереск, вы называете себя личностью. Но личность предполагает, прежде всего, индивидуальное начало. Где ваша индивидуальность? Вы произнесли хороший спич, но заметьте – в нем нет личности. А есть обобщение васпов в некий единый организм. Вы говорите обо всех, но не о себе. Может, оттого, что васпы являются коллективным разумом, нежели отдельно взятыми индивидами?

– Я говорю так, выступая от лица всей расы. Потому что я – их лидер.

– Хорошо, допустим, – соглашается Морташ. – Тогда вспомним такую значимую вещь, как атрибуты личности. Вы

знаете, что это такое, господин Вереск?

Он слегка наклоняет голову, как бы учтиво кланяясь мне. Его глаза похожи на маслины. Я молчу, и Морташ сдержанно улыбается:

– Конечно, не знаете. Откуда? Так я вам скажу. Их три. Воля, разум и чувства. Рассмотрим каждый атрибут в отдельности. Что такое воля? Это способность индивида к сознательному управлению своей психикой и поступками. Сознательному – ключевое слово. Как же с этим обстоит дело? Насколько мне известно, васпы – инструмент, не способный к волеизъявлению. Вы выполняете приказы и только. Так была построена ваша жизнь в Улье – вы исполняли волю Королевы. А до этого – в лабораториях – вы исполняли волю экспериментаторов-хозяев. Вы – камень, выпущенный из пращи. Вы не выбираете свою траекторию, кто-то направляет вас.

– Господин Морташ, – вмешивается ведущий. – Но так называемый Переход – тот переломный момент, когда васпы отказались от прежней жизни и стали жить по законам человеческого общества – это разве не полностью самостоятельное решение?

– Переход мы осуществили сами, – подтверждаю я.

– Но это стало возможно лишь после гибели Королевы, – возражает Морташ. – Она была стержнем, удерживающим васпов. Когда стержень уничтожили – механизм рассыпался на кучку деталей. Но это не значит, что каждую деталь нужно считать за личность. Потому что следующий атрибут – это

разум.

– Разве васпы не разумны? – перебиваю. – Я стою перед вами. Я говорю. Я мыслю.

– При первом рассмотрении да. Но разум – это еще и способность адаптироваться к новым ситуациям, способность к обучению, понимание и применение абстрактных концепций... Вы понимаете, что такое «абстрактная концепция»?

– Я учусь, – холодно отвечаю ему. – Дайте нам время. Способности к обучению у нас имеются так же, как у людей. Другое дело – люди хотят ограничить нас в возможности получать знания. Именно для того я здесь, чтобы уравнивать права людей и васпов.

– Тогда остается последний атрибут, – Моргаш со значением переводит взгляд с меня на ведущего и обратно. – Чувства. А вот с этим, господин Вереск, у вас проблемы. Не так ли?

Я смотрю исподлобья, раздумываю, что сказать. Но затягивать паузу нельзя. Это будет означать – дуэль проиграна, едва успев начаться. Поэтому произношу:

– Отчего же. Васпы испытывают боль. Или страх. Только не всегда показывают это.

– Животные тоже испытывают боль и страх. Но это не ставит их на одну ступень с человеком. Я говорю о высоких чувствах. Об отношении к искусству, например.

– Хорошо, что вы затронули эту тему, господин Моргаш! – радостно перебивает ведущий. – Потому что мы при-

гласили на передачу директора благотворительного фонда «Открытые двери», которая подготовила для нас интересный материал и попробует ответить на вопрос – есть ли у вас пов эмоции и чувства? Итак, встречайте – гость нашей студии, Хлоя Миллер!

Я рефлекторно сжимаю пальцы на стойке и замираю.

Свет выхватывает из темноты точеную фигурку, облаченную в вечернее платье. Волосы крупными завитками спадают на плечи. Теперь она – точная копия русалки из моего сна. И я стою, не двигаясь, одурманенный ее запахом и чистотой. А она осторожно поднимается по ступенькам, но на последней неловко оступается. К ней тут же учтиво подскакивает Морташ, галантно подает руку. И она смущенно улыбается, и, конечно, принимает его помощь. Это, по-видимому, нравится зрителям – зал разражается аплодисментами. Тогда Морташ наклоняется, целует ее маленькую ладонь и проводит к свободному микрофону, после чего возвращается на свое место, сыто отдуваясь и самодовольно пофыркивая в усы – объевшийся сметаны кот.

А я? Стою столбом, пытаюсь справиться со своим наваждением и слабостью в коленях.

– Спасибо, господин Морташ, – благодарит Хлоя. – Всем доброго вечера.

Она поправляет микрофон и обращается к ведущему:

– Благодарю, господин Крушецкий, что пригласили меня на эту передачу. Проблема, действительно, актуальная и бо-

лезненная. Она давно интересовала меня, а потому я провела исследование. Пожалуйста, выведите изображение на экран.

За нашими спинами вспыхивает фотография, и я сразу узнаю корпуса реабилитационного центра, в котором провел свои первые полгода после Перехода.

– В этом месте, – звенящим голосом говорит Хлоя, – собрались люди, объединенные одним – равнодушием к судьбе человека. Да! Я говорю «человека». Чем люди отличаются от животных или механизмов? Я говорю о душевных и интеллектуальных проявлениях – традициях, культурных ценностях, мировоззрении и так далее. Часто слышу возражения, что, мол, нет у васпов никакой культуры. Однако, это не так. Те, кто подробно изучал вопрос – а это и я, и профессор Торий, и даже вы, уважаемый господин Морташ – мы знаем, что васпы сложились, как общество. Пусть живущее по законам, отличным от наших, пусть на наш взгляд жестоких и диких – но все-таки это общество. Взять хотя бы традиционную модель воспитания неофитов – тренировка физического тела, повышение болевого порога, концентрация внимания и выработка контроля над течением своих мыслей и эмоций. Вам ничего это не напоминает? Обучение неофитов, о котором так много и яростно рассуждают ваши последователи, господин Морташ, это на самом деле медитативные практики, которые использовали последователи многих религиозных культов. А теперь, пожалуйста, пускайте слайды.

Изображение на экране меняется. Под тихую, тревожную музыку, сменяют друг друга фотографии, на которых запечатлены резные скамейки и разделочные доски. Затем – изображения подносов и блюд, расписанных в стиле народного творчества. Аккуратно сколоченные столы и стулья. Картины, в одной из которых я узнаю своего «Висельника»...

– Вы видите, – комментирует Хлоя, – эти картины, мебель, эта посуда – все это создано теми, кого мы называем «васпы». Музыка, которую вы слышите фоном, тоже написана васпой, Иржи Штернберком. Он мог бы стать гениальным композитором, а вместо этого прозябает в одной из северных деревень Южноуделья. Васпа Расс Вейлин – ныне дворник – пишет стихи... – Морташ издает смешок, и щеки Хлои розовеют. – Да-да! Не смейтесь! Даже наш сегодняшний собеседник, Ян Вереск, он...

– Давайте оставим эту тему, – раздраженно перебиваю я. Хлоя хмурится, поджимает губы.

– Как хотите, – холодно произносит она. – Тем не менее, что, как не позывы к творчеству, определяют личность? Прочитав одного из ярких представителей экзистенциализма, скажу так: личность есть не субстанция, а творческий акт. Вы знаете, – она повышает голос, обращаясь к залу, – существуют общества, менее развитые, чем наше. В Загорье, например. Или на Черном материке. Но мы же не отказываем им в человечности, в личности. Пусть не столь цивилизо-

ванные, как мы, но они тоже – люди.

– Они да, – с улыбкой парирует Морташ. – А васпы – нет. То, что вы нам сейчас продемонстрировали, моя дорогая, это всего лишь результат обучения. Это не сложнее, чем обучить собаку приносить газету или крысу нажимать на кнопку. Давайте спустимся с эмпирических высей и обратимся к холодной и прозаической биологии. Васпы не крысы и не собаки – те хотя бы живые существа. Васпы – это все-таки механизмы. Ну, хорошо! – он вскидывает ладони, как бы предупреждая волну возмущения. – Биомеханизмы. Так лучше? – он насмешливо косится в мою сторону. – Можно вложить определенную программу в компьютер, и он будет выдавать чудесные картины или прекрасную музыку. Но от этого не станет живым. Ах, боюсь я не смогу объяснить это лучше специалиста. Давайте обратимся к нашим ученым мужам?

– Как раз сейчас я попросил помощника наладить телемост, – радостно подхватывает ведущий и провожает Хлою к низкому диванчику. – Прошу вас, присядьте. Профессор Южноудельской академии Южган Полич не смог посетить нашу студию, но с удовольствием ответит на вопросы. Пожалуйста, на экран.

Тихая музыка смолкает. Фотографии исчезают. Вместо них появляется изображение пожилого человека в очках и с аккуратной седеющей бородкой. Его лицо незнакомо, но такому крупному ученому, как Полич, необязательно заходить в клетку к лабораторной крысе, чтобы отследить успешность

эксперимента.

– Господин Полич, – обращается к экрану ведущий. – Вы хорошо меня слышите?

Сигнал проходит с задержкой, а потому и профессор отвечает не сразу.

– Да, хорошо. Здравствуйте, – у Полича спокойный и приятный голос. Он не похож на нервного, вечно спешащего куда-то Тория. Но этим раздражает еще больше.

– Боюсь, без вашего участия нам не обойтись, – говорит ведущий. – Споры по поводу так называемых «васпов» не утихают по сей день. Хотелось бы знать, что считают ученые. Если можно, обрисуйте вкратце, какие цели вы преследовали изначально?

– Цель – создание идеального солдата, – с готовностью отвечает Полич. – В то время, в котором жили и работали мои предшественники, этот вопрос стоял остро. Катастрофа, что положила начало отсчета Сумеречной эпохи, сделала многие земли непригодными для жизни. Война стояла на пороге. Стране нужны были сильные солдаты и сильное оружие. Нужно было не просто победить, а выжить. Именно поэтому так много внимания уделялось экспериментам по повышению физической выносливости и возможности жить и работать в любых, даже самых стрессовых условиях.

– Эксперименты проводились на людях? – спрашивает ведущий раньше, чем я успеваю открыть рот и спросить то же самое, но менее вежливым тоном. – Разве это не противоре-

чит принципам гуманизма?

– Я уже пояснил, в каких реалиях работали мои коллеги. К тому же, первые солдаты были добровольцами. Никто не принуждал их, а по истечению эксперимента им выплачивалась хорошая пенсия, назначались льготы.

– Что же случилось потом? О Дарском эксперименте ходит множество зловещих слухов.

– На то они и слухи, – морщится Полич. – Я не могу отвечать за события более чем вековой давности. Но могу предположить, что не обошлось без подлога и шпионажа. Эксперимент хотели свернуть, как только появились первые сигналы о возможном выходе из-под контроля. Но кто-то, по видимому, решил продолжить в полевых условиях. И монстров выпустили на свободу.

Монстры – это он про меня. Вижу, как хмурится и закусывает губу Хлоя. Она почему-то не смотрит на экран и нервно теревит серебряную цепочку на шее.

– Здесь высказалось мнение, – продолжает ведущий, – что васпы не только не люди, но и не живые существа вообще. Вы можете это прокомментировать?

Полич кивает.

– Постараюсь так, чтобы было понятно. Как вы знаете, слово «васпы» – это калька с латинского wasp. Оса. Не знаю, почему за модель взяли именно ос. Наверное, потому, что это социально организованные насекомые с четко выраженным кастовым полиэтизмом, то есть разделением функций

между особями внутри одной группы, что полностью удовлетворяло запросам военных того времени – солдаты должны четко соблюдать субординацию, быть обучаемы и послушны. Личность каждого из них не важна, важны физические качества, сила, выносливость, высокий болевой порог, отсутствие страха. Вы сказали о принципе гуманизма и оказались правы. Мои коллеги в конце концов отказались проводить эксперименты в этом направлении на живых людях. Тогда их продолжили на неживых.

Я вздрагиваю. Пол под моими ногами становится вязким, как болотная топь, которая засасывает медленно, но неотвратно.

– Не на разложившихся трупах, конечно, – поправляет себя Полич, а его голос доносится издали, словно я опять нахожусь в запертой лаборатории, под завязку накачанный наркотиками, и вокруг – безликие силуэты в белых халатах.

– Полагаю, это были те, кто находился в вегетативном состоянии, – продолжает Полич. – На войне многие получали травмы и повреждения, не совместимые с жизнью. И вот тут мы подходим к самому интересному.

Я медленно поднимаю голову и вижу почему-то не ведущего, и не Морташа, а белое лицо Хлои. Она смотрит в пол, руки лежат на коленях и слегка подрагивают. Возможно, рассказ Полича является открытием и для нее?

– Вспомню один древний языческий ритуал, – говорит профессор. – Мой коллега господин Торий должен о нем

знать. Это касается так называемых живых мертвецов, или «зомби», как их называют в культуре. По легенде, древние шаманы умели воскрешать мертвых людей и обращать их в рабство. Таким образом, получали в свое владение существо, потерявшее волю и разум, но которое все еще могло двигаться и работать. Полагаю, мои предшественники вдохновились этими легендами. Ученые довоенного Дара нашли способ не оживлять мертвецов в полном понимании этого слова, а в результате определенного процесса возвращать двигательную активность тем, кто находится в вегетативном состоянии, – Полич смотрит поверх очков прямо на меня, и на висках выступает пот. Я ощущаю, как под сердцем ворочается тьма. Или яд Королевы. Или то самое вещество, о котором говорит Полич и которое однажды убило меня для того, чтобы вернуть к подобию жизни.

– Насколько я понял, после первых успехов стало возможно возвращать к псевдо-жизни и окончательно умерших людей, – доносится с экрана ровный голос профессора. – Этот препарат прозванный в народе «мертвой водой» – на деле, конечно, он называется по-другому, но я не стану нагружать вас утомительными терминами, тем более, теперь этот препарат запрещен, – так вот, он активирует гены отключения лобных долей мозга и запускает основные метаболические и двигательные процессы. Можно заново завести сердце, и такой «оживший мертвец» будет дышать и ходить. Правда, его реакции будут замедлены и автоматизированы, ведь работа-

ет только часть мозга. Это пластилин, который легко подвержен влиянию. Пустой сосуд, который можно наполнить, чем угодно. Например, вложить программу определенных действий: разрушать, убивать, слушаться хозяина. Такая программа получила название «код смерти». Она встраивается в тело и мозг подопытного и изменению не подлежит.

– Почему... не подлежит?

До меня не сразу доходит, что этот хриплый и жуткий голос принадлежит мне. Все, кто находится в студии, смотрят на меня. Ведущий. Морташ. Хлоя. И профессор Южган Полич. Его взгляд – внимателен, серьезен, с долей спокойного любопытства. Так смотрят на жука, насаженного на булавку.

– Потому что, друг мой, – вежливо отвечает Полич, – вы не живы. Вы умерли ребенком во время инициации. Ваше нынешнее состояние – лишь перезапуск организма по определенной программе, нарушив которую вы погибнете окончательно. Королева была вашим транслятором, кнопкой включения, если хотите. И мы – я и мои коллеги – пока не понимаем, что вами движет. Но мы пойдем. Пока вы успешно мимикрируете под человека, но ваша способность к мимикрии берет начало не от способности человека к социальной адаптации, а скорее от биологических факторов. В частности – от «ткани насекомого», которая срашивается с вашим телом и дублирует нервную и кровеносную систему. А теперь, – он снова обращается к ведущему и зрителям, – если позволите, и вопросов более нет – мне нужно вернуться

к моей работе.

– Конечно, конечно! – быстро говорит ведущий. – Спасибо вам, профессор! Это так интересно и необычно! Наука, действительно, не стоит на месте. Поэтому у нас в гостях еще один ученый, профессор Института Нового мира Виктор Торий. Прошу вас, пройдите к микрофону!

Я вижу, как по ступенькам быстрым шагом поднимается Торий. Его волосы всклокочены и блестят на висках от пота.

– Знаете, я очень уважаю мнение профессора Полича, – сразу начинает он. – Но не могу не прокомментировать его последние слова. Так просто сказать «вы умерли в детстве». Но вдумайтесь в эту фразу! Этот ребенок был живым! Чувствующим! У этого ребенка были родители, которые, вероятнее всего, погибли во время налета. Этого ребенка убили – просто чтобы посмотреть, что получится. Знаете, – его глаза загораются гневным огнем, – я много изучал Дарский эксперимент. Особенно после своего открытия. Я изучал васпов. Да, изучал, как мне не стыдно теперь признаться! Я знаю, почему стали использовать детей, – он взмахивает от волнения руками. – У детей гибкая психика. Из них легче слепить нужную модель. Их легче обучить. И вот результаты этого обучения! У него на лице! – Торий указывает на меня, и сотни взглядов впиваются, как осиные жала. В черном глазу камеры, как и внутри меня, клубится тьма.

– Как правильно сказал Ян, – продолжает Торий, – никто из них не выбирал эту жизнь. И как бы я ни уважал мнение

господина Полича, я не согласен с его доводами. Почему не дать васпам новый шанс? Работы в этом направлении уже ведутся. Васпы – жертвы. Какой бы образ жизни они ни вели раньше, сейчас они совершенно безобидны!

– Я бы не сказал, что мой уважаемый оппонент, пришедший на передачу в форме Дарского командования – безобиден, – усмехается Морташ. – И, боюсь, не все повреждения он получил в результате так называемого «обучения». Некоторые – прямое доказательство его блистательной карьеры в Дарских землях. Карьеры убийцы и насильника, разумеется.

Я поднимаю голову, но Морташ даже не смотрит на меня. Все верно – зачем? Для него я сейчас ряженный мальчишка, выставленный на посмешище.

– Мне понятен ваш сарказм, – с раздражением отвечает Торий. – Но я также знаю, что вы финансировали Дарский эксперимент. И вина за случившееся со многими детьми, а конкретно – с ним, – он снова указывает на меня, – лежит на ваших плечах, господин Морташ. Эксперимент «Четыре» – вам это о чем-нибудь говорит?

Торий явно ждет и моей реакции, но слова не находятся, в горле становится сухо и горячо. Зато вместо меня отвечает Морташ.

– А мне понятно ваше желание выгородить этих... этих нелюдей, – он делает запинку, будто подбирая слово. – В частности господина Вереска. Пресвятая Дева, да мне даже произносить имя этого существа странно! – он пожима-

ет плечами. – Это имя не его и никогда не было. Вся их сегодняшняя жизнь – само понятие жизни вообще, – фальшь, мимикрия, как сказал уважаемый господин Полич. Но стоит ради справедливости отметить, прекрасная мимикрия! Возможно, вы, господин Торий, и вы, моя дорогая Хлоя, – Морташ слегка кланяется сидящей на диване девушке, – вы все просто попали под влияние этих тварей. Я же видел их истинное обличье. Пан Крушецкий, продемонстрируйте нашим гостям запись, которую не смогли показать в прошлый раз?

– Как раз хотел это предложить, – с улыбкой отвечает ведущий.

Он делает знак ассистентам, и по экрану некоторое время бегут белые полосы. Это старая документальная хроника, снятая в полевых условиях. На экране – деревенька в несколько дворов. Почти над каждой избой вздымается дымный столб. Звуча нет, но и без него можно представить, как гудит охватившее дома пламя. Я почти ощущаю запах копоти и горелого мяса. Потом появляются фигуры – темные на фоне огня, они идут строем, бесшумно и молчаливо, но мне чудится, что от их шагов сотрясается и стонет земля. И я снова хватаюсь за стойку – этот контакт с холодной и немного шершавой пластиковой поверхностью спасает меня от погружения в безумие, хотя я сразу понимаю, что покажут дальше.

– Выключите, – хрипло говорю я, но меня не слышат.

На экране из домов выскакивает женщина. Ее платье развевается на ветру. От колонны отделяется одна из фигур и достает пистолет. Выстрел звучит бесшумно, и женщина падает, как подрубленная серпом.

Снова полосы. План камеры меняется.

За столом сидят четверо мужчин. Они смеются и пьют прямо из горлышка пузатой бутылки. На коленях одного из них – девушка. У нее задрана юбка, видны голые бедра, по которым всюду прогуливается мужская ладонь. Девушка плачет, но ей зажимают рот. Подбегает женщина, кланяется, ставит на стол блюдо, от которого исходит пар. Она тоже плачет, говорит сбивчиво – ее губы шевелятся и трясутся от плача. Тогда один из мужчин поднимается и стреляет ей в грудь. Глаза женщины распахиваются, словно спрашивают – за что? Потом она падает. Мужчина подносит к горлу плачущей девушки нож...

Кто-то из зрителей начинает визжать высоким женским голосом. И этот звук заставляет меня подпрыгнуть и понять – я все еще в студии. Этот огонь, и этот запах горелого мяса и крови – нереальны.

– Выключите запись! – кричит ведущий.

Экран снова идет полосами, от этого мельтешения начинает болеть голова. Я поднимаю трясущуюся руку, оттирая пот со лба. Зрители гудят – нутряной, подземный гул, какой, должно быть, издает многотысячный осиный рой.

– Вот – их истинное лицо! – победно говорит Морташ. –

Вот, что они делали в северных деревнях! Вот они, жертвы экспериментов!

– Это неправда! – произношу я и выпрямляюсь. Замечаю, что Тория тоже усадили на диван рядом с Хлоей, и теперь он комкает край собственного пиджака, будто от бессилия. – Это подделка! Никто из васпов не подпустил бы к себе журналиста с камерой!

– Наш человек, рискуя жизнью, втерся в доверие к одному из ваших отрядов! – Морташ не собирается сдаваться и смотрит на меня с презрением. – Он был свидетелем нескольких налетов.

– Кто?

– Это конфиденциальная информация, – уклончиво отвечает Морташ. – Лично мне хватило одной записи. Надеюсь, теперь ни у кого не возникнет вопросов?

– Поддерживаю, это постановка! – вскакивает с места Торий. – Как можно втереться в доверие к васпам, да так, чтобы участвовать в их налетах?

– Ну, у вас же получилось, – парирует Морташ.

– Прошу вас, сядьте на место! – вмешивается ведущий.

Торий неохотно повинуется. Хлоя тоже порывается что-то сказать, но ведущий успокаивает и ее. А я чувствую, как разбуженная криками и запахом крови, просыпается моя внутренняя тьма.

– Это подделка, – зло говорю я. – Если не верите, посмотрите хорошенько. Васпы так себя не ведут. Не вы ли, госпо-

дин Морташ, говорили, что мы не умеем испытывать эмоции? – я повышаю голос, пытаюсь перекричать все нарастающий гул. – А эти – они смеются! У них слишком новая форма! Слишком хорошее оружие! И слишком здоровые лица! Это наглая постановка! Вспы не убивают вот так, веселясь, без пыток и без...

Я втягиваю воздух и умолкаю, понимая, что сболтнул лишнее. Рев зала становится невыносимым. Мне хочется зажать уши ладонями, чтобы не слышать его. Хочется не чувствовать этих колких взглядом, не видеть искаженного злорадством лица Морташа. И моя внутренняя тьма, наконец, с силой ударяет в грудную клетку, словно хочет вскрыть меня изнутри. Я с силой сжимаю пальцы вокруг стойки, и пластик ломается. Его осколки осыпаются вниз, из вывернутого микрофона торчат голые провода. Треск помех вклинивается в общий возрастающий гул возмущенной публики.

– Слышали? – Морташ обводит всех торжествующим взглядом. – Какие глубокие познания у господина Вереска в науке убийства и пыток!

– Убийца! – слышится возглас из зала.

– Убийца! – подхватывают на другом конце.

Что-то со свистом рассекает воздух и с глухим стуком падает под ноги – женская расческа с довольно увесистой ручкой. Я поворачиваюсь к залу, пытаюсь хоть что-то разглядеть в этой гудящей, шевелящейся тьме, скрытой за светом софитов. И кажется – от самых краев поднимается черная волна.

Не люди – аморфная масса.

– Господа и дамы! Попрошу вас успокоиться! – кричит ведущий, но его никто не слышит. Воздух наполняется улюлюканьем и свистом. Краем глаза замечаю, как с дивана поднимаются Торий и Хлоя – профессор приобнимает ее за плечи, словно заслоняет от надвигающейся бури. Из-за кулис выскакивает охрана и уводит Морташа.

– Выключите камеры! Остановите эфир! – продолжает надрываться ведущий.

Это похуже, чем первое задание. Даже если бы за моей спиной стоял сержант Харт, и ему бы досталось от разъяренной толпы. Иногда бегство – наиболее логичный выход.

* * *

Я надеюсь выйти на улицу раньше, чем туда хлынет разъяренная толпа, но в коридоре наталкиваюсь на Торию и Хлою. Профессор хватает меня за рукав.

– Ян, прости, – говорит он. – Никто не думал, что получится так...

– А стоило бы, – рычу в ответ.

– Не сердитесь! – примирительно произносит Хлоя. – Я, правда, вами горжусь! Вы оба отлично держались! – она бледна и растрепана, и улыбается мне – измученно, но упрямо. И это раздражает меня.

– Особенно, когда включили эту подделку! – смеется Торий, не замечая моего замешательства, и хлопает Хлою по плечу. – Что была за битва, а?

– Не только, – она хмыкает. – Во время телемоста с де-душкой тоже...

– Телемоста с кем? – я останавливаюсь и поворачиваюсь к Хлое лицом. Она вздрагивает и рефлекторно отступает. Синие глаза расширяются, в них дрожат темные расширенные зрачки.

– Профессор Полич, – лепечет она. – Это мой дед... Вы, правда, не знали?

Должно быть, я меняюсь в лице настолько, что теперь и в глазах Тория плещется страх.

– Ян... – предупреждающе начинает он, но я взмахом руки велю ему замолчать.

– Одним сюрпризом больше, одним меньше. Прекрасная новость, чтобы закончить день. А я, по-видимому, прекрасный объект для семейного бизнеса. Утром внучка читает васпе книжку – вечером дед препарирует его на разделочном столе.

– Не говорите ерунды! – она поджимает губы, и страх в ее глазах сменяется гневом. – Какая чушь!

– Чушь – это то, чем вы занимаетесь, пани! – я сжимаю кулаки и понимаю, что будь под моей рукой еще одна стойка с микрофоном, вырванными проводами она бы не отделалась. – Чушь случается, когда женщина берется решать не женские вопросы. Когда вмешивается в дела, касающиеся только мужчин.

– Как же вы предпочли бы решать свои дела? – она под-

нимает брови. – Дракой?

– В том числе! И мой вам совет, – я наклоняюсь над ней, словно гадюка, готовая к прыжку. Мне не надо иметь ядовитые зубы, чтобы по-настоящему напугать свою жертву. – Держитесь от васпов подальше. И в частности – от меня. Если я услышу о вас хоть что-то... хоть что-нибудь! Вы поймете, что самые дурные слухи обо мне – не слухи, а самая настоящая страшная правда!

Некоторое время я все еще смотрю на нее. Мне хочется, чтобы она сломалась и заплакала. Все мои русалки ломаются. Но она не плачет и молчит. Тогда я разворачиваюсь и ухожу. Очнувшийся Торий что-то кричит мне вслед, но я зажимаю уши ладонями. Хватит на сегодня разговоров. Хватит на сегодня всего.

Ночь с 11 на 12 апреля. Тьма пробуждается

Город огня. Город соблазна и обмана. Он голоден этой ночью, хотя ежедневно заглатывает тысячи людей. Что значу для него я, рисовое зернышко, затерявшееся в бесконечном мраке его пищевода? Он медленно переваривает меня, урча и облизываясь серпантинным языком автомагистралей. Здесь душно и пахнет выхлопами. И от меня самого невыносимо смердит уродством и тьмой. Кто скажет, что у уродства и тьмы нет запаха – пусть проживет жизнь васпы.

«Жизнь васпы». Ха! Забавное выражение. Все равно, что сказать «белизна угля» или «сухость воды». Как может жить тот, кто когда-то умер? Я – существо без чувств и без души. «Живой мертвец» – так в старину называли подобных мне. А еще – навью. Значит – не принадлежащим миру живых, враждебным ему.

Кто все еще не верит – поверит, когда посмотрит сегодняшнюю передачу.

Моя тьма вскипает, перехлестывает через край. Я пропитан ей, как город пропитан своим желудочным соком и вонью выхлопных газов. От нее не избавиться, не убежать, только вывернуть себя наизнанку или сцедить излишек, как сцеживают отравленную кровь.

Кровь – квинтэссенция жизни. Она горяча, как солнце,

и сладка, как клубника. Когда убиваешь – чувствуешь себя немного живее. Чужая сила наполняет одеревеневшие жилы, заставляет биться мертвое, почерневшее сердце.

Я останавливаюсь у фонаря, прислоняюсь к нему пылающей головой. Холодная поверхность металла – как лед на лоб. Это немного отрезвляет меня. По крайней мере, запах крови становится слабее. Но тьма воет под сердцем и требует выхода. Мне просто необходимо спустить пар любым возможным способом. Как спускали его Пол, Расс и другие васпы до меня.

Жажда обладать женщиной не менее сильна, чем жажда убийства. Один из человеческих инстинктов, оставленный васпам. И мы жадно используем то немногое, что может встряхнуть нашу тьму и заполнить пустоту, что позволяет почувствовать себя живым.

Я знаю место, куда обычно ходят васпы. Еще за квартал я начинаю чують тягучий, дурманящий запах желания. Он течет по мостовой, будто жирная слизь, оставленная улиткой. Он забивает рецепторы и оседает на коже липкой сладостью. И сны, виденные мною за все последние ночи, яркими картинками предстают перед внутренним взором.

Меня начинает потряхивать от возбуждения, едва я переступаю порог.

Я вспоминаю дневник Пола и сразу спрашиваю, работает ли женщина по имени Зара. Оказалось, работает и на мое счастье как раз свободна, так что может меня принять. По-

том мне называют номер комнаты. И я иду по узким коридорам, похожим на гостиничные, подсвеченные красноватыми лампами. Ковер на полу тоже красный, как пол в телестудии. Как преторианский китель, что все еще надет на мне. Как кровь...

Смерть и страсть – в моем мире они всегда идут рука об руку.

Я останавливаюсь перед дверью, стучу – но не получаю ответа. Толкаю – открыто.

Вхожу.

Комната невелика. Большую часть ее занимает кровать, застеленная шелковой алой простынею. На прикроватном столике – изящная ваза, в которой стоят три алых розы. Слева – дверь в ванную комнату, из-за которой доносится шум воды.

– Сейчас, сейчас! Уже выхожу! – слышится приятный женский голос. – Подожди минутку!

Я жду. Стою истуканом у порога. Вскоре дверь ванной распахивается и оттуда выплывает высокая смуглая брюнетка в прозрачном красном пеньюаре. Не русалка, но тоже по-своему хороша.

– Ой! – говорит она, увидев меня.

Согласен, на роль красавца я не претендую. Но женщиной движет не страх.

– А я тебя видела по телеку! – радостно произносит Зара и ее слегка раскосые оливковые глаза загораются восторжен-

ным огнем. – Во дела! Мне только что сообщили по телефону, что придет один из... ну, из ваших. Но не сказали, что звезда!

Я никак не реагирую на ее слова, смотрю бесстрастно. Сквозь кружева пеньюара видны налитые груди. От женщины пахнет чем-то экзотическим и душным. Я бы предпочел запах полевых цветов, но выбирать не приходится.

– Раздевайся, – сухо веляю я.

Женщина закидывает голову и хохочет.

– Быстрый какой!

Подходит ко мне, проводит по груди ладонью – чувствую жар, исходящий от ее разогретого под душем тела. Ее пальцы берутся за верхнюю пуговицу мундира, игриво крутят ее. Она заглядывает мне в лицо и улыбается – я благодарен уже за то, что в ее глазах нет отвращения или ненависти. Если это – ее работа, она хорошо справляется с ней.

– Да ведь я и так почти раздета, милый, – сладко произносит она. – А вот ты еще нет. Знаешь, я хоть и люблю мужчин в форме, но давай сегодня обойдемся без нее?

Зара берет меня за руку и тянет в комнату. Я не привык подчиняться, но так же не привык платить женщинам за близость. Поэтому просто иду за ней и позволяю усадить себя на кровать, пока ее пальцы разбираются с застежками портупей... не слишком удачно, надо сказать.

– Нет, я сдаюсь, – наконец произносит она. – Снимай сам свою сбрую. Не думала, что вам разрешено так одеваться.

– Я был на передаче, – отвечаю и расстегиваю ремни, а сам смотрю, как кружева пеньюара расходятся, словно алая, пропитанная кровью пена. Из ниоткуда снова берется и начинается щекотать ноздри дурманящий медный запах.

– С телестудии – и сразу ко мне? – глаза Зары распахиваются в восхищении. – Это так мило!

Она гладит меня по щеке теплой ладонью. Я отшатываюсь, что вызывает у женщины взрыв смеха.

– Господи, да вы дикари! – всплескивает руками она. – Ты что же, стесняешься?

Зара гладит меня по руке, произносит успокаивающе:

– Ну что ты, не бойся! Я к вашим уже привыкла. Или ты думаешь, ко мне одни Аполлоны заглядывают? Да по мне, лучше нелюдь, чем какой-нибудь обрюзгший боров, у которого и не стоит толком. У ваших, по крайней мере, с этим порядок.

Ее ладонь скользит под мундир, оглаживая мне живот, прикосновения непривычны, но приятны.

– И часто к тебе заходят... наши? – с усилием спрашиваю я.

– Частенько, – мурлычет она, и прижимается ко мне грудью. Жар тут же перекидывается на меня, сердце начинает биться учащенно, и запах меди становится резче.

– А... Пол? Такого ты помнишь?

– Может быть, – шепчет она в самое ухо, и чувственные горячие губы касаются мочки, а рука спускается по животу

ниже.

– Он был твоим частым клиентом, – я все еще держу оборону, пытаюсь выудить хоть толику информации, но умолкаю и с шумом выпускаю воздух из легких, когда раздается слабое «трррак...» – это расходится молния на галифе.

– Ты пришел поболтать о своих приятелях, милый? – с легким раздражением спрашивает женщина. – Или все-таки займешься делом?

Ее пальцы сжимают меня между ног, и крепостная стена выдержки рушится.

Я валю Зару на кровать, развожу коленом ее ноги, а она изгибается, стонет громко. Наиграно или нет – какая, к черту, разница? Вторгаюсь в нее нетерпеливо и грубо, жадно впиваюсь пальцами в упругие бедра. Женская плоть – только глина в моих руках. У нее не может быть души, как нет души у меня. И поэтому меня не заботит, стонет эта женщина от удовольствия или от боли. Только я решаю, выточить из нее изящную вазу или сломать и смять в бесформенный ком.

Моя тьма начинает выплескиваться лениво и густо. Запах меди смешивается с запахом наших тел – терпкий, пьянящий аромат, пропитавший постель и оседающий на коже липкой влагой. Это похоже на волну, сдерживаемую плотиной, но кирпичная кладка дает трещину, и вода прорывается. С грохотом обрушивается на меня, заливают ноздри и уши, наполняет легкие, и я тону. С трудом разлепляя веки, вижу перед собой бледное лицо моей русалки, а, может, Хлои. Она при-

открывает рот, и с губ срываются серебристые пузырьки. Тогда я протягиваю руки и смыкаю пальцы на ее горле.

Чувствую, как в спину впиваются ногти, но боли нет. Волна несет меня, как подхваченную бурлящим потоком листов. От этого вода становится грязной и непрозрачной, и я задыхаюсь. Задыхается и моя русалка. Ее глаза распахиваются шире, белки наливаются кровью. Моя русалка бьется в конвульсиях, борется за жизнь, и от судорожных сокращений по моему телу прокатывается дрожь удовольствия. Я сильнее вдавливаю пальцы в ее горло.

И на мою голову обрушивается удар.

Отшатываюсь и разжимаю руки. Мир лопается, как водяной пузырь. Волна отступает мгновенно, смывая и мое наваждение. Уже не русалка извивается подо мной, а Зара. Ртом она судорожно хватает воздух, на шее зрелыми сливами наливаются гематомы. Ее рука сжимает узкое горлышко вазы, а черепки усеивают алую простынь, словно берег морская галька.

Зара спихивает меня ногой, и я скатываюсь с кровати. Вытираю ладонью лицо – оно все мокрое, не то от пота, не то от воды. На пол падают увядшие розы.

– Псих! – кричит Зара. – Маньяк!

И швыряет в меня черепком. Рефлекторно уворачиваюсь, и он разбивается о дверь. А до меня только сейчас доходит: почти убил... почти...

Я отскакиваю к двери, на ходу застегивая штаны.

– Прости... – это все, что могу выдать из себя. Закрываюсь кителем от очередного летящего черепка.

– Прости себя сам, больной придурок! – огрызается Зара. Она несколько раз судорожно глотает, проводит ладонью по горлу, потом по растрепанным волосам, и вдруг заливается смехом. Я вздрагиваю, вжимаю голову в плечи и распахиваю дверь.

– Заплатить не забудь! – кричит мне вслед женщина. – И так и быть! Прочухаешься – приходи снова, только охрану предупреди! Тут психам рады!

В спину мне несется залиvistый смех. Это мое второе бегство за сегодняшний день.

Деньги я оставляю на пороге.

* * *

Женщина не приносит мне облегчения. Напротив, ее грязь смешивается с моей, а смех звучит в голове, раскалывая ее, как перезревшую дыню.

Что говорил Полич?

«Ваше нынешнее состояние – лишь перезапуск организма по определенной программе, нарушив которую, вы погибнете окончательно».

Цель моего существования – разрушение. Убийство – это все, что я умею делать. Зачем обманывать себя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.